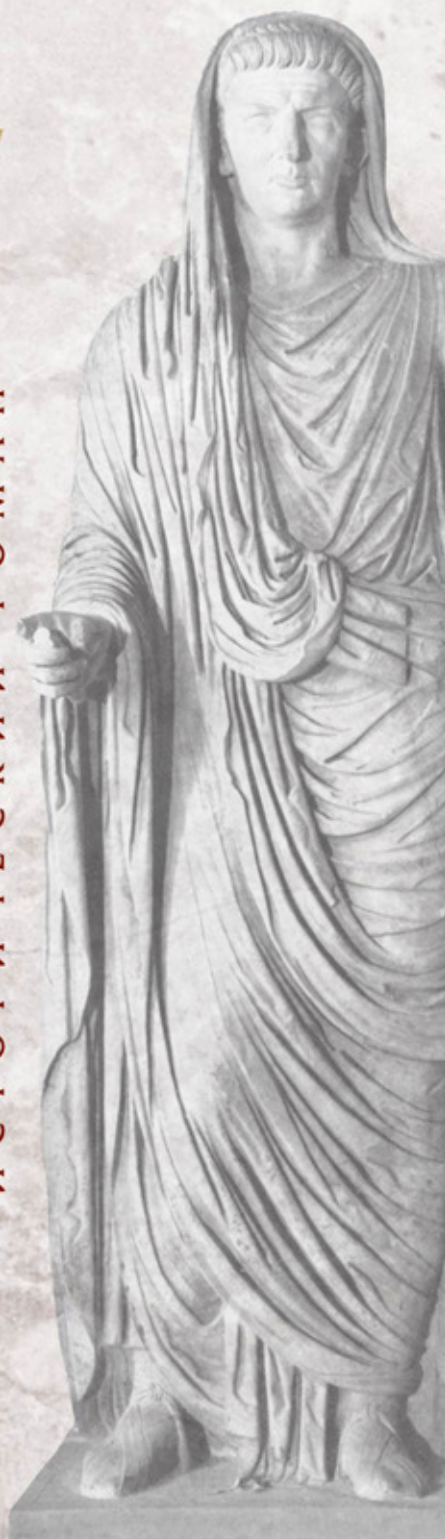

Саймон СКЭРРОУ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

ЦЕНТУРИОН

Саймон Скэрроу
Центурион
Серия «Орел», книга 8

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5815480

Скэрроу С. Центурион: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-64348-6

Оригинал: SimonScarrow, "CENTURION"

Перевод:

Александр Шабрин

Аннотация

Богат и благословен оазис Сирийской пустыни – Пальмира, лежащая на перекрестье караванных путей. Но судьба царства, попавшего в поле притяжения двух могучих империй, незавидна: здесь зреет битва между Парфией и Римом. Похоже, престарелый правитель Вабат не в силах удержать бразды правления, и в Пальмире вспыхивает мятеж, раздуваемый соседями-парфянами. На кого положиться, если один сын у правителя оказывается предателем-мятежником, другой – ветреным гулякой, а третий и вовсе дурачок? Но до Рима уже долетел сигнал тревоги, и верные боевые товарищи центурионы Катон и Макрон повели своих солдат на подмогу запертому в цитадели Пальмиры гарнизону правителя... Успеют ли они вовремя?

Содержание

Римская армия	5
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	30
Глава 5	36
Глава 6	43
Глава 7	48
Глава 8	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Саймон Скэрроу

Центурион

Эта книга посвящается всем моим бывшим студентам, преподавать которым было для меня честью. И спасибо за все, чему вы в ответ учили меня!

Simon Scarrow

CENTURION

© 2007 *Simon Scarrow*.

The Author asserts the moral right to be identified as the Authors of this Work.

The Work was first published in the English language by Headline Publishing Group Limited

© Шабрин А.С., перевод на русский язык, 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Римская армия

Краткое пояснение насчет легионов и вспомогательных когорт

Солдаты императора Клавдия служили в двух разновидностях войсковых соединений: в легионах и вспомогательных когортах, таких, как Десятый легион и Вторая Иллирийская когорта, представленные в данном романе.

Легионы представляли собой элитные подразделения римской армии. Укомплектованные жителями Рима, с тяжелым вооружением и хорошей оснасткой, они подвергались неукоснительной военной муштре. Будучи опорой боевой машины Рима, легионы также задействовались и в масштабных инженерных проектах, таких, как строительство дорог и возведение мостов. Численность каждого полностью укомплектованного легиона составляла пять с половиной тысяч человек, которые, в свою очередь, подразделялись на девять когорт, состоящих из шести центурий по восемьдесят человек в каждой (не по сто, как можно было бы предположить), а также еще одной – первой – когорты, вдвое большей по сравнению с остальными; ей предписывалось удерживать правый, наиболее уязвимый фланг боевого построения.

В отличие от легионов, во вспомогательные когорты набирались жители провинций, которым по прошествии двадцати пяти лет беспорочной службы перед отставкой даровалось римское гражданство. Держать в постоянной боеготовности высококлассную кавалерию и службу метательных орудий римляне были не в состоянии, но, будучи людьми практичными, многие из этих функций они поручали как раз вспомогательным когортам, состоявшим из неграждан. Служившие в тех когортах солдаты звались ауксилиариями. По своей выучке вспомогательные войска не уступали легионерам фактически ничем, кроме вооружения (оно было более легким) и размера жалованья (оно было не столь весомым). В мирное время обязанности вспомогательных частей сводились к гарнизонной службе и охране порядка; в походе же они брали на себя функции разведчиков и легких пехотинцев, основная задача которых – не давать неприятелю сдвинуться с места, в то время как легионы, надвигаясь, сминают его и уничтожают. Вспомогательные когорты, как правило, насчитывали до шести центурий, хотя бывали когорты и более крупные, такие, как Вторая Иллирийская, к которой придавался еще и отряд конницы. В ходе военных действий вспомогательные когорты обычно группировались с легионами.

Что касается воинских чинов, то и легионными и вспомогательными центуриями командовал центурион с полномочиями заместителя военачальника. Во главе когорт стояли старшие центурионы легионов, а также префект вспомогательной когорты – обычно авторитетный и опытный воин, назначенный от легиона. Самими же легионами командовали легаты со штабной свитой трибунов – молодых аристократов, для которых этот поход был обычно первым. Во главу всей армии обыкновенно ставился человек с недюжинным боевым опытом, избранный императором. Зачастую этот верховный военачальник параллельно занимал и другие должности – например, местного проконсула, как в случае с Кассием Лонгином, одним из персонажей данной книги.

Глава 1

В час, когда сумрак сгушался над лагерем, командир когорты пристально глядел в сторону реки. Туманная дымка, устилающая Евфрат, переливалась на противоположный берег, белесой полосой тумана перечеркивая прибрежные деревья, так что казалось, будто это какая-то змея, виляя, ползет скользким своим брюхом, с нежной вкрадчивостью оплетая все вокруг. От этой мысли у центуриона Кастора поднялись волоски на загривке. Запахнувшись плотнее в плащ, он, прищурясь, оглядывал подернутые дымкой лощины на той стороне Евфрата: земли Парфии.

Вот уже сто с лишним лет назад мощь Рима натолкнулась на противостояние парфян, и с той самой поры обе империи втянулись в смертельную игру, частью которой был стратегический союз с Пальмирой – городом к востоку от Сирии, ныне римской провинцией. Теперь, когда Рим обсуждал с Пальмирой договор о более тесном союзничестве, ее влияние уже простерлось до берегов Евфрата, то есть достигло границ ее давнего врага. Не существовало более никакого сопредельного государства между Римом и Парфией, и мало кто сомневался, что кипящая вражда скоро обернется новым столкновением. Уже готовились к боевому походу легионы Сирии, когда из ворот Дамаска маршем вышла когорта со своим командиром во главе.

Центурион Кастор вновь ощутил горький прилив негодования от того приказа из Рима: вести вспомогательную когорту через пустыню, вдали даже от Пальмиры, и заложить укрепление здесь, на крутых берегах Евфрата. До Пальмиры отсюда восьмидневный переход на запад, а ближайший римский гарнизон и вовсе в Эмесе, в шести днях за Пальмирой. Настолько заброшенным Кастор ощущал себя, пожалуй, впервые в жизни. С четырьмя сотнями людей он находился на самом что ни на есть краю империи, наблюдая с этого отвесного склона за движением: не вздумают ли парфяне переправиться через Евфрат.

После изнурительного перехода по голой каменистой пустыне когорта встала лагерем у обрывистого берега и начала возводить укрепление, которое ей теперь предстояло охранять до тех пор, пока какая-нибудь титулованная особа в Риме не распорядится их здесь сменить. А перед этим, в дни перехода, когорта пеклась под солнцем, а ночами куталась в плащи, когда безжалостный зной со скоростью пущенного из пращи камня сменялся пронизывающим холодом. Учет воды велся чуть ли не по каплям, и когда воинство наконец достигло величавой реки, рассекающей пустыню своим благодатным серповидным изгибом, люди кинулись на отмель утолять свою жажду, самозабвенно ловя запекшимися ртами воду под строгие окрики офицеров: назад, хватит!

Прослужив три года в Десятом легионе, расквартированном в Киресе с его сочно-курчавой зеленью садов и всеми удобствами, каких только может возжелать плоть, свое временное назначение в когорту Кастор принял с чувством, мягко говоря, смутным. И чувство это лишь крепло. Перед когортой маячила перспектива провести месяцы, а то и годы на задворках ойкумены¹. И если их здесь до смерти не изведет скука, то это за нее точно доделают парфяне. Потому центурион погнал своих людей возводить стены сразу, как только над обрывом нашлось место, откуда открывался удобный вид на брод и на туманные низины Парфии за рекой. Кастор знал, что слух о появлении римлян достигнет ушей парфянского царя в считанные дни, а потому жизненно важно, чтобы когорта успела возвести достойное укрепление прежде, чем враги решат испытать его на прочность. Несколько дней солдаты неустанно ровняли землю и готовили основания для стен и башен будущего укрепленного лагеря.

¹ Ойкумена – понятие, введенное древнегреческими географами. Под ойкуменой понималась обитаемая, заселенная людьми часть мира.

Затем каменщики принялись спешно обтесывать и подгонять каменные глыбы, что свозились на площадку со всей округи, где выходили на поверхность горные породы. Стены поднялись уже на высоту пояса, а зазоры между ними заполнились строительными отходами, когда центурион Кастор в свете гаснущего дня удовлетворенно кивнул. Дней через пять укрепление поднимется уже настолько, что когорта сможет переместиться из временного лагеря в его новые стены. Тогда парфяне будут уже не так опасны. А до этих пор надо трудиться без устали, от рассвета до заката.

Солнце уже село, образовав на горизонте прозрачно-огненную полосу заката.

– День на исходе, – обернулся Кастор к своему заместителю, центуриону Септимусу, – пора заканчивать на сегодня.

Септимус с молчаливым кивком набрал побольше воздуха в легкие и, поднеся ко рту сведенные раковиной ладони, проревел во всеуслышание приказ:

– Кого-орта! Работу прекратить, возвращаться в ла-агерь!

По всей площадке зашевелились смутные силуэты строителей; с понурой усталостью складывая свои кирки, заступы и плетеные корзины, они снова становились воинами по мере того, как подхватывали свои щиты, копья и выстраивались в подобие колонны на том месте, где скоро должны были подняться главные ворота. Когда последние из них занимали место в строю, из пустыни ощутимо потянул ветер, и Кастор, прищурясь на запад, заметил, как в их сторону издалека несутся серые сгущающиеся клубы пыли.

– Песчаная буря собирается, – ворчливо определил он на глаз. – Хорошо бы до ее натиска успеть в лагерь.

Септимус кивнул. Он почти всю свою службу провел на восточной границе и знал не понаслышке, как быстро человек теряет дорогу в стремглав налетающей завесе из хлещуще-колкого, удушающего песка – обычного явления в этих землях.

– Тем бездельникам в лагере считай что повезло, – сказал он, – их-то не затронет.

Кастор скупо улыбнулся. С полцентурии осталось охранять лагерь, пока остальные гнули спины здесь, на скалистой серой круче. Сейчас караульные уже наверняка отступили под прикрытие угловых башенок, спрятавшись там от кусачего ветра и песка.

– Ну что, надо пошевеливаться.

Он рукой дал отмашку, и колонна нестройно двинулась вниз по извилистой кремнистой тропе, что вела в лагерь, расположенный отсюда на расстоянии чуть больше мили. Набирающий силу ветер в густеющем сумраке бесцеремонно хлопал складками солдатских плащей, мешая и без того неудобному спуску по каменистому склону.

– Уж откуда, а из этого гиблого места я уйду без всякого сожаления, – бурчал на ходу Септимус. – Вы, часом, не знаете, когда нас здесь сменят? А то по нас с ребятами заскучает в Эмесе теплая казарма.

– Понятия не имею, – покачал головой Кастор. – А уйти отсюда меня тянет не меньше твоего. Все зависит от того, как сложатся дела в Пальмире, да еще как на все это посмотрят наши друзья-парфяне.

– Ох уж эти выродки, – вздохнул Септимус. – Так и норовят что-нибудь выкинуть. Это ведь они стояли за прошлогодней заварухой в Иудее, разве нет?

Кастор кивнул, припоминая мятеж, что неожиданно вспыхнул к востоку от Иордана. Парфяне тогда снабдили бунтовщиков оружием, да еще и отрядили им в подмогу отряд конных лучников. Спасибо гарнизону крепости в Бушире, что героическим усилием не дал иудеям вкупе с их парфянскими подстрекателями разжечь пожар антиримского восстания по всей Иудее. А нынче эти парфяне обратили свой алчный взор на Пальмиру – этот город-оазис, бесценную жемчужину восточных торговых путей и буфер между Римской империей и Парфией. Пальмира до сих пор пользовалась сравнительной независимостью и была ско-

рее протекторатом², чем узаконенной провинцией. Однако нынче правитель города стал стар и дряхл, и за спиной у него оживились соперники-домочадцы, правдами и неправдами стремящиеся добыть себе право зваться его преемником. А один из наследных сынков – кстати, самый влиятельный – уже и не скрывает, что не прочь окопаться в стане Парфии, если станет новым правителем.

– Так что это дело проконсула Сирии, – прокашлявшись, сказал Кастор, – убедить парфян умерить свои аппетиты в отношении Пальмиры.

Септимус скептически поднял бровь:

– Вы о Кассии Лонгине? Думаете, он будет или сможет этим заниматься?

Кастор секунду-другую помолчал, взвешивая ответ.

– Думаю, Лонгину это по плечу. Он не из тех, кто у императора на побегушках. Свое высокое положение он заслужил. И если дипломатическая схватка ни к чему не приведет, Лонгин вполне сможет их разгромить на поле боя. Если до этого, конечно, дойдет.

– Мне бы вашу уверенность, – качнул головой Септимус. – Я вот слышал, в прошлый раз Лонгин быстро показал пятки, как только учуял беду.

– И кто тебе это сказал? – фыркнул Кастор.

– Да один офицер из Буширского гарнизона. Лонгин при появлении мятежников как раз находился в крепости. Он тогда, кажется, прыгнул в седло и ушмыгнул быстрее, чем шлюха из Субурры³ потрошит у клиента кошель.

– У него наверняка были на то свои причины, – пожал плечами Кастор.

– Еще какие.

– Послушай, – хмуро обратился к подчиненному Кастор, – это не нашего ума дело, обсуждать тонкие виды начальства. Особенно на слуху у солдат. Так что держи свои соображения при себе, ясно?

– Как скажете.

Колонна продолжала спускаться по склону, когда разгулявшийся ветер с силой обдал солдат первой заметью песка. Секунда-другая, и всякая видимость окрестности сошла на нет; Кастор замедлил шаг, чтобы не потерять свое положение впереди строя, ощупью идущего в сторону лагеря. Солдаты, теснясь, ступали вперед, отгораживаясь щитами от хлестких, секущих песком взвихрений. Ближе к подножию склона тропа постепенно выравнивалась. Из-за песка и густеющего сумрака оставленная позади площадка была уже и не видна.

– Теперь недолго осталось, – сам себе пробормотал Кастор, но оказался услышан Септимусом.

– Вот и хорошо. Я первым делом, как доберусь до палатки, прочищу горло добрым глотком вина.

– Славная мысль. Может, и мне к тебе присоединиться?

Септимус запоздало пришипился, но лишь мысленно махнул рукой: эх, прощай последняя фляжка, пронесенная через пустыню.

– С удовольствием, – просипел он сквозь непогоду.

Кастор со смехом хлопнул подчиненного по плечу:

– Добрый человек! Как вернемся в Пальмиру, рассчитаюсь в первой же корчме.

– Да ладно. И на том... – внезапно Септимус с резким вдохом застыл, напряженно глядя вперед; вначале застыл сам, затем вскинул руку, веля колонне остановиться.

– В чем дело? – негромко спросил Кастор, застыв рядом. – Что там такое?

² Протекторат – форма межгосударственных отношений, при которой одна страна признает над собой главенство другой, сохраняя автономно во внутренних делах и собственную династию правителей.

³ Субурра – древнеримский увеселительный квартал с большим количеством лупанариев (борделей).

– Мне что-то показалось – там, – кивком указал Септимус вперед, в сторону лагеря. – Кажется, всадник.

Оба центуриона, напрягши слух и зрение, уставились в завихрения песка, но в них не различалось ровным счетом никого – ни пешего, ни конного; только колыхание чахлого кустарника по обе стороны от тропы. Кастор, сглотнув, через силу расслабил мышцы.

– Что именно ты видел?

Септимус, улавливая сомнение начальника, бросил на него сердитый взгляд.

– Я же говорю: всадника. В полусотне шагов впереди. Песок на секунду развеялся, и я его углядел, всего на мгновение.

Кастор медленно кивнул:

– А может, игра света? Куст какой шевельнулся? Легко ошибиться, в такую-то погоду.

– Да говорю же я: лошадь. Что я, коня не различу? Богами клянусь! Вон там, впереди нас...

Кастор собирался что-то сказать, но тут оба разом слышали в завывании ветра слабое металлическое позвякивание. Звук, безошибочно знакомый всякому солдату: звон клинка о клинок. Почти одновременно послышался сдавленный вскрик, тут же погасший на ветру. Чувствуя внутри зыбкий холодок, Кастор обернулся к Септимусу и невозмутимым голосом сказал:

– Передать команду остальным офицерам: рассредоточиться в сомкнутом строю по тропе. Все делать тихо.

– Слушаю.

Отсалютовав, центурион Септимус отправился передать приказ по колонне. Пока люди веером рассыпались по сторонам тропы, Кастор сделал несколько шагов в сторону лагеря. Шальной порыв ветра ненадолго расчистил видимость, и в песчаной зыби проглянули ворота, а также обмякшее тело, припиленное к ним несколькими стрелами. Спустя секунду все снова заволочло клубами пыли. Кастор отступил к своему воинству, стоящему теперь на тропе четырьмя колоннами – щиты приподняты, копья под углом, взволнованные взгляды устремлены в сторону лагеря. Септимус ждал своего командира во главе центурии, по правому флангу. Рядом всходил каменистый склон в щетине поросли.

– Что-нибудь заметили?

Кастор, кивнув, подождал, пока центурион встанет бок о бок с еще одним офицером, после чего тихо сказал:

– На лагерь напали.

– Напали? – взметнул брови Септимус. – Кто? Парфяне?

– А кто еще, по-твоему?

Рука Септимуса соскользнула на рукоять меча.

– Какие будут приказания?

– Они все еще близко. В такую бурю они могут быть где угодно. Можно попытаться проникнуть обратно в лагерь, очистить его от них и запретить следом ворота. Это наш наилучший шанс.

– Вы имеете в виду, единственный, – мрачно усмехнулся Септимус.

Вместо ответа Кастор откинул с плеч складки плаща и вынул меч. Высоко его подняв, он оглядел строй, чтобы убедиться, что остальные офицеры следуют его примеру и передают сигнал дальше. Со сколькими врагами предстоит столкнуться, представить было сложно. Если у них хватило решимости штурмовать и захватить лагерь, то, по всей видимости, число их вполне достаточное. Их приближение, скорее всего, прикроет туман над рекой и песчаная буря. Что ж, может, теперь она же прикроет и приближение к лагерю оставшейся когорты. Если повезет, то можно будет точно так же застичь врага врасплох. Кастор медленно опустил

руку с мечом, кончиком по дуге указав в сторону лагеря. Сигнал прошел по всему строю и к тем слева, что были сейчас скрыты в сумраке и летучей пыли.

Кастор плашмя прижал середину меча к кромке щита и зашагал вперед. За ним потек весь строй – мерным шагом по щербатой земле в сторону лагеря. Офицеры чуть сдерживали поступь, чтобы не нарушать в движении строй. Справа склон сменился открытым пространством, куда с возвышенности стекла правофланговая центурия. Кастор с прищуром глядел вперед, высматривая малейшие признаки присутствия врага, а также очертания лагеря. Вот впереди из буйной взвеси песка и пыли проглянули разомкнутые створки ворот; по бокам постепенно очертились острия частокола, к которому сейчас стягивалась когорта. Помимо прищипленного к воротному столбу тела, не было видно решительно никого – ни живых, ни мертвых.

Тут справа послышался дробный стук копыт; дернув на звук голову, Кастор заметил, как один из пехотинцев, вякнув, схватился за древко стрелы, пронзившей ему грудь. В пыльном вихре проглянуло неясное мельканье силуэтов; из мутных клубов прорвались конные лучники-парфяне и на полном скаку стали пускать стрелы в незащищенные правые бока римских солдат. Вот еще четверо пали наземь, а один скорчился (хотя и устоял), сиюсь выдрать стрелу, пробившую бедро так, что сшило обе ноги. Между тем парфяне, свесившись на своих лошадях, лихо усаkali обратно в завесу, оставив римлян потрясенно дивиться им вслед.

Почти сразу донесся крик слева: враг повел бросок уже оттуда.

– Всем вперед! – выкрикнул отчаянно Кастор, слыша позади когорты копыта прибывающих коней. – Бегом, ребята!

Упорядоченный строй сбился в бестолковую массу, бегущую к воротам; в этой толчее бежал и Кастор. На глазах у бегущих створки ворот начали неожиданно смыкаться, а над палисадом враз проглянули десятки голов. Вznеслись луки, и шум ветра перекрыло шипение стрел. Тела штурмующих беспомощно утыкались в землю; натиск захлебывался. Стрелы неослабевающим градом тарабанили по щитам, с влажным чмоканьем впивались в плоть. Страдальческие крики доносились отовсюду. С тошнотным чувством в животе Кастор понял: если сейчас же ничего не предпринять, его люди считай что мертвецы.

– Ко мне! – рявкнул Кастор. – Сомкнуться вокруг!

Воины, что поближе, повинувшись приказу, подняли щиты вокруг Кастора и сигнума⁴ когорты. Постепенно число сплотившихся прирастало; их прибавал к общей массе хлопочущий снаружи Септимус. Когда в круг сбилось с полсотни человек, Кастор велел не опуская щитов отступать по тропе обратно на кручу. Поредевшая когорта медленно подалась назад в сумрак, оставляя раненых товарищей, которые отчаянно зывали не оставлять их парфянам. Кастор скрепя сердце шел дальше. Раненым уже ничем не помочь. Единственно возможное убежище для уцелевших – это недостроенное укрепление на прибрежной круче. Если до него добраться, там можно будет встать последним рубежом. Когорта обречена, но можно будет хотя бы забрать с собой в царство мертвых как можно больше парфян.

К той поре как группа отступающих достигла подножия откоса, враг разгадал их намерение и насел как следует. Вынырнувшие из сумрака всадники обратно уже не отъезжали, а, бросив поводья, неторопливо прицеливались и пускали свои стрелы: в тактике броска и отскока больше не было нужды. Входящая вверх по тропе когорта представляла собой не вполне удобную мишень из-за сплошной стены щитов, которыми задние прикрывали передних на пути к строительной площадке. Парфяне шли следом, держась как можно ближе и

⁴ Сигнум – военный знак манипулы, когорты, центурии или турмы. Состоял из древка, на котором закреплялись фалеры (специальные диски, использовавшиеся в качестве знаков почета), сверху сигнум венчал наконечник в форме листа или Манус (изображение открытой ладони, символ принесенной легионерами присяги верности). В бою сигнум переносил сигнифер, знаменосец подразделения, который выполнял также функции казначея.

стреляя сразу, как только меж щитов намечался зазор. Поняв, что щиты римлян для стрел неуязвимы, хитрецы взялись целиться по незащищенным ногам, вынуждая солдат пригибаться и таким образом затрудняя им движение вверх по склону. Но и при этом к тому моменту, как истаявшая колонна втянулась наконец наверх, к утоптанной площадке, пятеро оказались ранены. На круче все еще гулял ветер, но, по крайней мере, иссякли тучи пыли и открылась видимость над все еще завешенной мгlistым пологом низиной.

Оставив Септимуса командовать аррьергардом, остальных Кастор повел через проем главных ворот. Недостроенные стены парфян сдержат, увы, не могли, и единственное место, где можно было закрепиться, это почти достроенная сторожевая башня на дальнем углу укрепления, фактически на краю обрыва.

– Сюда! – взревел Кастор. – За мной!

Когорта – а по сути горстка уцелевших – устремилась по лабиринту уложенных камней, маркирующих контуры так и не возведенных построек и проходов, предназначенных для укрепленного лагеря. Дальше темным пятном на фоне звездной россыпи высилась сторожевая башня. Добежав до ее балочного каркаса, Кастор встал у входа, нетерпеливыми взмахами торопя своих людей: быстрее, быстрее, внутрь! Их оставалось всего два с небольшим десятка, этих солдат, а уж сколько из них доживут до рассвета, не хотелось и гадать. Нырнув внутрь, Кастор распорядился, чтобы они заняли смотровую площадку, а также встали у бойниц над входом. С собой он оставил четверых, защищать вход в ожидании Септимуса и аррьергарда, которые должны были к ним примкнуть. Прошло совсем немного времени, прежде чем в проем недостроенной воротной башни вбежало несколько плохо различимых силуэтов и устремилось к сторожевой башне. А за ними почти сразу волной хлынуло вражье воинство, с победными выкриками их преследуя.

– Они настигают! – сведя у рта ладони, выкрикнул своим Кастор. – Живее!

Под тяжестью своего защитного снаряжения, да еще и измотанные дневной работой воины продвигались по площадке кое-как. Один с пронзительным криком запнулся о камень, но его товарищи даже не обернулись, и через считанные секунды беднягу поглотила лавина парфян, катящаяся по направлению к башне. Над упавшим они ненадолго задержались, чтобы как следует посечь его своими кривыми клинками. Получается, своей смертью он добыл своим товарищам фору, чтобы те успели ввалиться внутрь башни и теперь глубоко дышали, опустив щиты. Септимус с ходящей ходуном грудью заставил себя выпрямиться и, облизнув пересохшие губы, доложил:

– Потеряли двоих... Одного на тропе и еще одного прямо сейчас.

– Я видел, – кивнул Кастор.

– Что теперь?

– Теперь сдерживаем их, насколько хватит сил.

– А потом?

– Потом? – Кастор рассмеялся. – А потом мы умрем. Но не раньше, чем спровадим хотя бы с полсотни этих вояк в Аид, чтобы вымостили там дорожку к нашему приходу.

Септимус вымучил на губах улыбку, хотя бы для того, чтобы подбодрить слушающих этот диалог воинов. Однако стоило ему глянуть Кастору через плечо, как лицо у него сделалось жестким.

– Вот они, во всей своей красе.

Кастор обернулся, одновременно поднимая щит.

– Приготовиться! Держать строй!

Септимус встал с командиром бок о бок, а четверо солдат подняли копья, изготавливаясь разить через головы двоих офицеров. А по замусоренной площадке уже неслась орущая масса парфян, прямо на загородившие дверной проем щиты. Кастор напрягся, и нижняя часть его щита накренилась под тупым ударом. Тогда он врылся в земляной пол своими

шипованными калигами⁵ и мощно ответил встречным ударом, налегая на выпуклость в центре щита. Судя по тому как за щитом кто-то охнул, удар шишаком пришелся в точку. Над плечом мелькнуло острие и древко одного из копий, а с той стороны у входа кто-то страдальчески взвизгнул. Копье мгновенно втянулось обратно, окропив Кастору лицо и глаза теплыми каплями, которые он сморгнул, одновременно нанося из-за щита колющий удар. Рядом теснил вражью силу центурион Септимус, наддавая щитом и разя мечом любую плоть, неосмотрительно мелькнувшую между кромкой щита и дверной рамой.

Позиция этой их маленькой фаланги – впереди двое офицеров с мечами, сзади четверка солдат с копьями наготове – получалась такой выверенной, что врагу протиснуться никак не удавалось. С минуту Кастор испытывал вполне обоснованное торжество: удача впервые за сегодня клонила на их сторону.

Мелькание внизу он различил слишком поздно, не заметил вовремя, как кто-то из парфян, пригнувшись к самому полу, подлез клинком под нижний край Касторова щита и подсек. Лезвие рубануло по лодыжке, разъяв понож, а за ним кожу и мышцу с костью. Ногу словно ожгло раскаленным прутом; от боли Кастор тяжело, с яростным криком шатнулся.

Септимус, краем глаза заметив, что командир просел на одну ногу, скомандовал:

– Следующий, в строй!

Ближний солдат, следя, чтобы ноги были прикрыты, вжался рядом с центурионом, в то время как его товарищи участвовали в выпадах с копьями, отгоняя врагов от входа. Внезапно из тьмы раздались встревоженные вскрики, которым вторил глухой тряский стук: это с башни на парфян валились каменные глыбы. На глазах у Кастора обтесанный для строительства камень разможил одному вражью отродью голову, а другого буквально вмял в землю. Камни и балки валились и сыпались на нападающих, давя насмерть и калеча тех, кто не успел отойти от башни на безопасное расстояние.

– Ай, красота, – рыкнул в умилении Септимус при виде отрадной картины. – Ну что, ублюдки? Не нравится получать подарки без надежды дать сдачу?

С отражением натиска камнепад прекратился, а тяжелая возня наверху сменилась посвистом и злорадным улюлюканьем солдат, на которое раненые, но недобитые враги отзывались лишь жалобными стонами. Септимус, осмотрительно выглянув наружу, жестом велел одному из пехотинцев занять свое место, а сам, прислонив к стене щит, на коленях подобрался к Кастору осмотреть рану. Ее он, напрягая глаза, оглядывал под тусклым светом звездного неба, сочащегося в проем входа. Руки центуриона нежно выявляли характер раны, нащупывая в изувеченной плоти острые обломки кости. Кастор стиснутыми зубами втягивал воздух, борясь с желанием истошно завопить.

– Не берусь пророчить, – поглядел на него Септимус, – но, похоже, вы свое отвоевали.

– Легко гадать, когда и так видать, – процедил Кастор.

Септимус сдержанно улыбнулся:

– Надо остановить кровотечение. Где бы взять какую-нибудь тряпку?

Кастор невозмутимо отодрал и подал длинный лоскут от подбоя своего плаща. Один конец лоскута центурион завел за голень и, испытующе глядя на начальника, сказал:

– Сейчас будет больно. Готовы?

– Да давай уже...

Септимус обернул ткань вокруг ноги, перевязал рану и как следует, узлом, затянул над лодыжкой. Боль была несусветная; Кастор такую испытывал, пожалуй, впервые. Несмотря на ночной холод, к концу перевязки он был весь покрыт испариной.

– На последний бой тебе придется прислонить меня к стенке, – невесело пошутил он.

⁵ Калиги – солдатская обувь, полусапоги, покрывавшие голени до половины. Состояли из кожаных чулок и сандалий с ремнями. Толстая подошва сандалий была покрыта шипами.

– Сделаем, – кивнул Септимус, вставая с колен.

Секунду центурионы смотрели друг на друга, оценивая смысл только что сказанного. Теперь, когда оба смирились с неизбежным, Кастор чувствовал, что бремя волнения за вверенную ему когорту как-то облегчилось. Несмотря на мучительность раны, в душе он испытывал спокойную отрешенность вкупе с решимостью биться до конца. Септимус, посмотрев в проем входа, обратил внимание, что враг по площадке разбился на группки и бдительно удерживается вне досягаемости глыб и балок, которыми солдаты столь щедро одаривали неприятеля с высоты смотровой площадки.

– Интересно, что у них на уме? – спросил он задумчиво. – Взять нас измором?

Кастор медленно покачал головой. Здесь, на востоке, он прослужил достаточно долго и повадки заклятого врага Рима знал не понаслышке.

– Нет, этого они дожидаться не станут. Для них это сродни бесчестью.

– Тогда что?

– Скоро узнаем, – расплывчато ответил Кастор.

– Нет, а все же? – отвернувшись от входа, спросил Септимус после недолгой паузы. – Что это: набег? Начало нового похода против Рима?

– А тебе не все равно?

– Ну как? Хочется знать причину, ради которой идешь на смерть.

Кастор, поджав губы, взвесил положение.

– Может, это и набег. Скажем, возведение здесь римской крепости они сочли для себя вызовом. Хотя возможно и то, что они мостят дорогу через Евфрат для своего войска. Кто знает, может, это их первый шаг к тому, чтобы прибрать к рукам Пальмиру.

Ход мысли Кастора оказался прерван окриком снаружи.

– Римляне! Внемлите! – громогласно воззвал из темноты голос на греческом. – Парфия призывает вас сложить оружие и сдаться!

– Получи пук из бедра моего! – тоном оракула издевательски отвечал Септимус.

Пропустив колкость мимо ушей, глашатай в темноте строгим голосом продолжил:

– Мой повелитель призывает вас сдаться! Если вы сложите оружие, вас ждет пощада!

Таково его слово!

– Пощада? – тихо переспросил Кастор, прежде чем вслух крикнуть: – Вы пощадите нас и дадите нам вернуться в Пальмиру?

Голос возобновился лишь после некоторой заминки.

– Вам сохранят жизнь, но возьмут в плен!

– То есть в рабство, – рыкнул Септимус и сплюнул на пол. – Нет уж, рабом я не умру. – Он обернулся к Кастору. – Что сказать на его слова?

– Скажи ему, чтобы убирался в Аид.

Септимус улыбнулся, от чего зубы его в лунном свете матово блеснули. Повернувшись к проему, он прокричал ответ:

– Если вам нужно наше оружие, то приходите и попробуйте его забрать!

– Не ново, – поддел Кастор, – но вполне к месту.

Центурионы обменялись ухмылками; нервно заулыбались солдаты.

– Будь по-вашему, – прозвучало из темноты согласие. – Но тогда это место станет вашей могилой. Вернее – погребальным костром.

Дальняя сторона площадки трепетно замерла, и вот там уже вспыхнул огонек, выхватив из разом сгустившегося мрака силуэт воина, согнувшегося над своим огнивом. Огонек уверенно разросся в костер, разгораясь все сильнее и ярче, по мере того как люди спешно зажигали от него факелы, благо вокруг в изобилии рос сухой кустарник. После этого воины стали приближаться к башне, и вот уже первая стрела, обмотанная промасленной тряпкой, оказалась запалена от факела. Секунда, и лучник послал в сторожевую башню огненный

росчерк. Пропев в безмолвном ночном воздухе, запальная стрела стукнула в деревянные подмости, брызнув фонтанчиком искр. И вот уже в строение безудержно устремились огненные стрелы, с жарким треском втыкаясь в балки и горя, горя.

– О боги! – Рука Септимуса сжалась в кулак на рукояти меча. – Они хотят нас отсюда выкурить!

Воды в башне, понятное дело, не было. Кастор хладнокровно пожал плечами:

– Ничего не поделаешь. Созывай сюда тех, кто сверху.

– Слушаю.

Минуто-другую спустя, когда в тесном караульном помещении внизу башни сгрудились все, кто уцелел, Кастор поднялся на ноги и оперся о стену, оглядывая вверенных ему людей.

– Для нас, друзья, все кончено. Или оставаться здесь и заживо сгореть, или же выйти наружу и захватить с собой в подземное царство кого-нибудь из них. Вот и весь выбор. Так что когда я отдам приказ, следуйте из башни за центурионом Септимусом. Он теперь ваш старший командир. Сомкнитесь в строй и крушите врага без страха. Понятны мои слова?

Солдаты откликнулись одобрительными кивками и возгласами.

– А как же вы? – прокашлявшись, неуверенно спросил Септимус. – Вам же никак, с ногой-то?

– Я знаю. И потому останусь здесь, при сигнуме когорты. Им он, понятное дело, не достанется. – Кастор протянул руку к знаменосцу когорты. – Поддай его мне.

Молодой сигнифер вначале было замешкался, но затем шагнул вперед и уступил древко своему командиру.

– Сила и честь! – произнес он с поклоном.

Кастор, кивнув, твердо взялся за древко сигнума с навершием-ладонью, попутно используя его как подпорку для безнадежно раненной ноги. Вокруг уже с тихим гудением потрескивало пламя, а потеплевший воздух дымно-оранжевым маревом озарял вокруг башни землю. Кастор заковылял к узкой угловой лестнице.

– Когда доберусь до крыши, даю вам сигнал к атаке. Пусть ни один укол копья и удар меча не пропадет даром, ребята. А будет скучно – ведите счет.

– Непременно, командир, – сказал негромко Септимус.

Центурионы на секунду сомкнули предплечья, после чего Кастор, стиснув зубы, тронулся вверх, не без труда взбираясь по деревянной лестнице. Воздух вокруг становился все жарче; завитки дыма курчавились в оранжевом свете, бойко играющем в окнах и щелях бойниц. К той поре как он добрался до верхотуры, ближний к неприятелю бок сторожевой башни уже вовсю полыхал. В огненных отблесках было видно, как снаружи нетерпеливо ждут развязки орды парфян.

– Центурион Септимус! – набрав полную грудь воздуха, выкрикнул Кастор. – Вперед!

Снизу из башни эхом донесся жидковатый хор боевых кличей, и стало видно, как парфяне поднимают луки, выбирают цель, и вот уже воздух полон густого мелькания их стрел. Сверху Кастору открылся вид на то, как через площадку бросается на врага компактное построение его людей, последних из уцелевших. Пригнувшись за своими щитами, они дерзко неслись напрямик на врага вслед за Септимусом, который ревел парфянам что-то оскорбительное. Между тем вражеские лучники, твердо держа позицию, со всем возможным проворством обстреливали подвижную мишень. Те из них, у кого еще оставались запальные стрелы, огненными бутонами выпускали их в сторону легковооруженных велитов⁶. Всаживаясь в щиты, стрелы продолжали гореть, высвечивая бегущих. На глазах у Кастора Септимус внезапно пошатнулся, выронив меч и ухватившись за наконечник стрелы, торчащей у

⁶ Велиты – разновидность легкой пехоты в древнеримской армии. Часто использовались как застрельщики.

него из шеи. Вместе с этим крик его прервался, а сам он пал на колени и распластался, слабо подергиваясь в такт уходящей вместе с кровью жизни.

Римляне сомкнулись вокруг его тела и подняли щиты. За происходящим Кастор наблюдал с горьким отчаянием. Напор броска угас вместе с Септимусом, и теперь солдаты один за другим падали под парфянскими стрелами, проникающими в зазоры между щитами. Скорей бы уж конец. Тяжело опираясь на древко сигнума, он перебрался на другую сторону настила и посмотрел с высоты кручи вниз, на реку. Далеко в низине туман рассеялся и луна переливчато сияла на водах бегущего по камням потока. Кастор обернулся и посмотрел вверх, на безмятежную глубину небес, вдыхая ночной воздух полной грудью.

Оглянуться его заставил мощный треск древесины на том конце башни; времени в обрез, если только есть желание, чтобы символ когорты не попал в руки врагу. Через колеблющуюся завесу дымного пламени проглядывали сталисто мерцающие ряды парфян. Понятно, что это всего лишь пролог, начало. Уже скоро гибельным огненным потоком хлынут они через пустыню, грозя поглотить восточные провинции Римской империи. Кастор обеими руками крепко сжал древко сигнума, захромал к самому краю настила и оттуда, скрежетнув напоследок зубами, с глубоким вдохом бросился в пустоту.

Глава 2

– Вот, значит, какие прелести преподносит нам жизнь. – Макрон, вытянув перед собой ноги, с улыбкой припал спиной к стене «Изобильной Амфоры» – корчмы, где имел обыкновение бражничать. – Наконец-то я получил назначение в Сирию. И знаешь что, Катон?

– Что? – шевельнувшись, приоткрыл глаза его товарищ.

– Отрадно, что она складывается именно так, как я и предугадывал. – Макрон, зажмурившись, блаженно подставил свое обветренное лицо ласковому солнцу. – Хорошие вина, женщины по вполне сходной цене, которые умеют тебя как надо ублажить, прекрасная погода без дождей. Библиотека, и та здесь приличная.

– Вот уж не думал, что ты пристрастишься к книгам, – хмыкнул Катон.

Последние месяцы Макрон в основном утолил свою эпикурейскую жажду⁷ и развил у себя интерес к чтению. Увлекали его в основном пошловатые комедии и эротика, но это ведь тоже какое-никакое, а чтение, и кто знает, может, это приведет его к постижению и более серьезных материй.

– Пока меня здесь все устраивает, – признался с улыбкой Макрон. – Так бы жизнь шла и шла. Теплый климат, жаркие женщины. Знаешь, после того похода в Британию кельтов я готов не видеть всю свою оставшуюся жизнь. Ни единого.

– Вот уж что верно, то верно, – с чувством фыркнул центурион Катон, припоминая сырость и промозглые туманы над синеватыми болотами, через которые они с Макроном пробивались в составе Второго легиона, осваивая то самое недавнее приращение империи, будь оно неладно. – Хотя летом там не сказать чтобы так уж худо.

– Летом? – скептически удивился Макрон. – Это ты о толике погожих дней между тамошней зимой и осенью?

– Ничего, ничего. Несколько месяцев похода по пустыне, и те времена в Британии покажутся тебе сущим блаженством. Прямо-таки элизиумом⁸.

– Всяко может статься, – вздохнул задумчиво Макрон, припоминая их прошлое стояние на границе Иудеи, среди знойной пустоши. Воспоминание он предпочел отбросить. – Ну а пока подо мной когорта, жалованье префекта и перспектива приличного отдыха прежде, чем нам снова рисковать жизнью и конечностями от имени сенаторов и римского народа, – перефразировал он с усмешечкой святыне для каждого римлянина литеры SPQR⁹. – К которому, между прочим, относит себя и этот коварный лукавец Нарцисс.

– Нарцисс?

При упоминании личного секретаря императора Клавдия Катон сел прямо и обернулся к другу.

– Что-то от него ответа до сих пор нет, – сказал он, понизив голос. – А ведь он уже должен был прочесть наше донесение.

– Ну да, – пожал плечами Макрон, – и что?

– А то. Как, ты думаешь, он поступит с проконсулом?

– Кассием Лонгином? Да никак. Ничего ему не будет. Свои следы Лонгин спрятал достаточно тщательно. Четких свидетельств, позволяющих уличить его в измене, нет, и,

⁷ То есть жажду плотских утех. Эпикуреизм – философское течение в античности, ищущее пути к земному счастью человека. Главный интерес для эпикурейцев представлял чувственный мир с его удовольствиями.

⁸ Элизиум – в античной мифологии часть загробного мира, где царит вечная весна.

⁹ SPQR – аббревиатура латинской фразы «Senatus Populusque Romanus» («Сенат и граждане Рима»), изображалась на штандартах римских легионов.

можешь быть уверен, он сделает решительно все для демонстрации своей преданности императору – особенно теперь, когда знает, что за ним прислеживают.

Катон как бы невзначай оглядел сидящих за соседним столом и, подавшись к Макрону, вполголоса сказал:

– Учитывая, что это нас с тобой Нарцисс послал следить за Лонгином, сомневаюсь, чтобы проконсул в случае чего пролил слезы по нашей кончине. Нам надо соблюдать осторожность.

– Убить нас он все равно не убьет, – отмахнулся Макрон. – Было бы слишком подозрительно. Так что расслабься, Катон, все идет прекрасно. – Согнув в локтях руки, он чуть отвел от стены плечи и с уютным зевком сунул ладони под голову.

Секунду-другую Катон поглядывал на друга, досадуя, что тот не в полной мере осознает опасность, какую может представлять собой Кассий Лонгин. Несколько месяцев назад проконсул Сирии запросил передать под свое начало три дополнительных легиона, якобы для противостояния растущей угрозе восстания Иудеи. С эдакой силищей за спиной Лонгин мог представлять для императора недюжинную опасность. Катон имел стойкое убеждение, что Лонгин собирается посягнуть на императорский трон. Во многом благодаря Макрону с Катонем мятеж тогда оказался подавлен прежде, чем успел охватить всю провинцию, и Лонгину ни к чему стало иметь под собой три дополнительных легиона. При этом было ясно, что такой властолюбец, как Лонгин, едва ли спустит тем, кто разрушил его алчные устремления, и какое-то время – на протяжении нескольких месяцев – Катон жил в опасении мести со стороны проконсула. Но теперь проконсул в самом деле оказался перед растущей угрозой, на этот раз со стороны Парфии, противостоять которой он сейчас мог лишь силами Третьего, Шестого и Десятого легионов с приданными им вспомогательными когортами. А если война разразится в восточных провинциях, то для борьбы с парфянами понадобится каждый, кто только может носить оружие. Катон вздохнул. Забавно: угроза из Парфии оборачивается даже на пользу. Она хоть как-то отвлечет внимание проконсула от мыслей о мести... – по крайней мере пока. Катон осушил чашу и прислонился к стене, озирая город.

Солнце клонилось к горизонту, поигрывая бликами на черепичных крышах и куполах Антиохии; свет постепенно убывающего дня придавал небу персиковый оттенок. Центр этого города – как и большинства тех, что подпали под владычество Рима (а до него греков, наследников завоеваний Александра Македонского), заполняли общественные здания, какие можно встретить во всех концах империи. За величаво-надменными колоннами храмов и портиков открывалась панорама красивых городских особняков, а дальше тянулись трущобы приземистых, с плоскими крышами обиталищ бедноты. Воздух на этих улицах веял всей гаммой запахов скученного человеческого жилья; именно здесь коротали свободное от службы время солдаты. Катон же с Макроном предпочитали относительный комфорт «Изобильной Амфоры», которая, находясь слегка на возвышенности, овеивалась всеми дышащими на город ветрами – что гораздо приятнее.

Всю середину дня друзья просидели за вином, и в густой летней теплыни Катон впал в расслабленную дремоту. Весь этот месяц они неустанно муштровали свою вспомогательную когарту – Вторую Иллирийскую – в огромном учебном лагере у стен Антиохии. В чине префекта таким количеством людей Макрон командовал впервые и был настроен, чтобы его солдаты держали себя на высоте: маршировали быстрее, сражались смекалистей и упорней, чем любая другая когорта на всем востоке империи. Задача Макрона осложнялась тем, что почти треть личного состава у него составляли новобранцы, поступившие взамен тех, кто выбыл из строя в битве при Бушире. И с той поры как армия была приведена в повышенную готовность, все командиры когорт буквально прочесывали местность в поисках кандидатов, которые бы довели вверенную им центурию или манипул до должного уровня. В то время как Катон отвечал непосредственно за муштру когарты и донимал снабженцев насчет необ-

ходимого провианта и снаряжения, Макрон искаживал побережье – от Пиерии до Цезарии – в поисках подходящих рекрутов. В эти свои странствия он прихватывал десяток самых дюжих своих воинов и сигнум когорты. В каждом городишке или порту Макрон захватывал себе местечко на местном форуме и толкал речь перед сборищем скучливой или, наоборот, не в меру ретивой мужской публики, без которой, как известно, не обходится ни одна городская площадь на просторах империи. Громким бравурным голосом он сулил им всем без разбора завидное довольствие, приличное жалование, исправное пропитание, полную приключений жизнь, а если доживут, так перед отставкой еще и римское гражданство в награду за – смешно сказать – какие-то двадцать пять лет армейской службы. При некоторой подготовке они обретут такой же представительный и мужественный вид, как у тех воинов, что стоят сейчас за ним, их командиром. По окончании речи к нему начинали тянуться желающие попытать солдатского счастья, и Макрон отбирал из них самых подходящих, отсеивая слабосильных, тугодумов и староватых. Поначалу набор шел неплохо, но на протяжении своего странствия Макрон обнаружил, что его то и дело опережают другие офицеры, умыкая у него из-под носа самых лучших и годных. Но и при этом по возвращении в когорту он приводил с собой людей достаточно, чтобы довести численность до нужного уровня и обучить их до того, как пора будет выступать в очередной поход.

Остаток долгой зимы Макрон обучал новобранцев, в то время как Катон муштровал остальных изнурительным движением в походном порядке и упражнениями с оружием. Пока Вторая Иллирийская проходила подготовку, в Антиохию безостановочно прибывали другие части и становились лагерем за расположением Десятого легиона. С ними толпами подтягивались обозники и празднующиеся, а площади и рынки города оглашались криками зазывал и уличных торговцев. Все гостиницы и постоялые дворы были забиты солдатами, и оравы мужчин деловито ждали своей очереди у ярко размалеванных лупанариев, воняющих потом и дешевыми благовониями.

Взгляд Катона сонно скользил по панораме города. Несмотря на то что центурион едва разменял третий десяток, армии он уже успел отдать четыре с половиной года жизни, привыкнув и к солдатскому укладу, и к тому, как проход армии сказывается на жизни городков, через которые пролегает ее путь. Несмотря на невзрачное начало, солдатом Катон оказался хорошим, как будто заранее готовился к этому поприщу. Сыграли свою роль и смекалка с отвагой, преобразив изнеженного домашнего отрока в воина, способного командовать людьми. Удача тоже не подвела. При поступлении во Второй легион ему выпало очутиться в центурии Макрона – как оказалось, на счастье. Не угляди тогда центурион Макрон в этом худом, резковатом римском рекруте задатков и не возьми его под свое крыло, Катон вряд ли бы дожил до сегодняшнего дня – как тогда на германской границе, так и в последовавшем походе на Британию. С той поры они вдвоем успели уйти из Второго легиона и послужить – недолго – во флоте, а затем их обоих направили на восток, где Макрона ждало его теперешнее назначение.

В предстоящем походе они опять будут сражаться плечом к плечу в составе легиона. Катон чувствовал некоторое облегчение от того, что бремя самостоятельных решений будет с них таким образом снято; облегчение с толикой безотчетной тревоги, связанной с самим вступлением в новую кампанию. Куда более опытные солдаты, чем Катон, оказывались сражены стрелой, камнем из пращи или ударом вовремя не замеченного меча. Его самого покуда проносило; остается лишь надеяться, что удача не оставит его и теперь, если будет война с Парфией. Драться с парфянами ему уже немного доводилось в прошлом году, и теперь он хорошо знаком с их мастерской стрельбой из лука, быстротой и внезапностью их конных атак, когда они налетают словно из ниоткуда, а затем мгновенно исчезают, будто их и не было, оставляя римлян лишь дивиться да считать убитых. Эта их тактика ведения боя – серьезное испытание и для легионов, не говоря уж о Второй Иллирийской когорте.

А может, это и не совсем так. Может, у их когорты шансов против парфян больше, чем у легионеров. У велитов вооружение легче, к тому же их когорта на четверть состоит из верховых, так что парфянам при бросках на Вторую Иллирийскую надо быть начеку куда больше, чем при нападениях на неповоротливых тяжеловооруженных триариев¹⁰ в легионах. Кассию Лонгину с парфянами надо держать ухо востро, а иначе можно повторить судьбу Марка Красса и его шести легионов, наголову разбитых лет сто назад. Красс тогда забрел глубоко в пустыню, и после нескольких дней изматывающих своей внезапностью атак парфян под яростным солнцем его армия оказалась разгромлена вместе с ее полководцем.

Когда солнце наконец село за горизонт и со стороны лагеря донесся медный глас буцин¹¹, возвещающих о первой смене ночного караула, Макрон, зашевелившись, отлепился от прогретой за день шероховатой штукатурки стены.

– Давай-ка подаваться в лагерь, – сказал он. – А то я завтра вывожу в пустыню новобранцев. В первый раз идут, совсем еще птенцы. Интересно будет взглянуть, на что они гожи.

– Ты уж с ними полегче, – посоветовал снисходительно Катон. – Не хватало еще кого-нибудь потерять до начала похода

– Полегче? – прищурился Макрон. – Скажешь тоже. Если давать им поблажку с самого начала, то в настоящем деле толку от них не будет никакого.

Катон пожал плечами.

– Я-то думал, нам в когорте нужен каждый.

– Каждый, да. Но из кремня, а не из кала.

– Все же это не Второй легион, Макрон, – заметил, помолчав, Катон. – Нельзя столь уж многого ожидать от вспомогательной когорты.

– В самом деле? – лицо Макрона сделалось жестче. – Вторая Иллирийская – когорта не какая-нибудь, а моя. И если я добиваюсь того, чтобы люди в ней маршировали, сражались и гибли так, как солдаты в легионах, то они будут это делать. Ты меня понял?

Катон кивнул.

– И ты в этом тоже примешь деятельное участие.

У Катона невольно распрямилась спина.

– Конечно да, командир. Разве я тебя когда подводил?

Секунду они пристально друг на друга смотрели, после чего Макрон неожиданно рассмеялся и плотно хлопнул товарища по плечу.

– Пока нет! У тебя, парень, не яйца, а шары из чистого железа! Вот бы всех мне таких, как ты, или хотя бы похожих!

– Было бы, наверное, неплохо, – рассудил Катон.

Макрон поднялся, растирая слегка занемевшие от долгого сидения ягодицы. Уютное место этот дворик, но деревянная скамья все же жестковата.

– Ну что, идем, – сказал он, подхватывая свой витой жезл центуриона.

Они направились через форум, который уже звенел голосами бордельных зазывал, торговцев дребеденью и свободных от службы солдат из лагеря. Молодые, еще с юношеским пушком на щеках, рекруты держались в основном шумными ватагами и дружно вваливались в ближайшие харчевни и таверны, где их тут же окружало приткое, хитроглазое жулье и ворье, для которого вынуть у хмельного юнца-солдатишки кошель раз плюнуть. Рекрутов Катону было немного жаль, но известно одно: лишь горький опыт научит их тому, что тре-

¹⁰ Триарии – в армии Древнего Рима воины тяжелой пехоты, вооруженные мечами и пилумами (короткие метательные копья); в бой вводились в решающий момент.

¹¹ Буцина – медный духовой инструмент в римской армии. Представляла собой узкую медную цилиндрическую трубу, согнутую в виде широкой русской буквы С и имеющую горизонтальный раструб, за который музыкант удерживал инструмент во время игры.

буется просто-таки вбить себе в башку. Так что больная поутру голова и потеря кошелька заставят их быстро усвоить урок на будущее. Если они до него доживут, конечно.

Как всегда, легионеры и ауксилиарии – солдаты вспомогательных когорт – держались друг от друга на расстоянии. У легионеров жалование было на порядок больше, а к солдатне из неграждан они традиционно относились с легким пренебрежением – чувство, понятное Катону и всецело одобряемое Макроном. Из-за лагерного частокола оно просачивалось и на улицы Антиохии, где люди из когорт, как правило, держались от легионеров на почтительной дистанции. Хотя, похоже, не все. При повороте с форума на одну из улиц друзья слышали невдалеке сердитую перебранку. Под мутноватым кругом фонаря при входе в одну из таверн теснилась небольшая толпа – оказывается, вокруг двоих драчунов, которые, выбравшись на улицу, без промедления покатались в сточную канаву, немилосердно мутузя друг друга.

– Ишь, чего-то не поделили, – хмыкнул Макрон.

– Думаешь вмешаться?

Макрон, пока приближались, с прищуром наблюдал за происходящим, после чего пожал плечами.

– Еще нам не хватало влезать. Пускай сами меж собой разбираются.

Как раз в эту секунду в руке у одного из дерущихся огнисто взблестнуло, и кто-то крикнул:

– Да у него нож!

– Вот погань, – Макрон досадливо цыкнул. – И не хотели, а придется. А ну-ка, быстро!

Он ускорил шаг, бесцеремонно оттолкнув с пути кого-то дюжего в красной тунике, вышедшего взглянуть, что там за шум.

– Эй, – сердито вскинулась туника, – смотри, куда прешь!

– Придержи язык! – Макрон поднял свой жезл центуриона, чтобы его разглядел и этот крикун, и все остальные, а сам между тем проталкивался к дерущимся в канаве. – А ну-ка, вы оба! Сейчас же расцепиться! Это приказ!

Драчуны, шумно возясь и пытаясь, наконец разнялись. Один из них, поджарый, в тунике легионера, по-кошачьи вскочил и тут же гибко сложился, готовый наброситься снова. Макрон двинулся на него, потрясая жезлом:

– Прекратить, я сказал!

Взгляд Катона упал на заостренную полоску металла в руке поджарого. Она уже не блестела, так как ее обволакивала маслянисто-темная, капающая с заостренного конца жидкость. Другой забияка на земле, приподнявшись на локте, вторую свою руку притискивал к боку. При этом он прерывисто дышал, морщась от сильной боли.

– Вот пес... А-а, больно-то как... Этот выродок меня пырнул!

Секунду посверлив легионера взглядом, он с мучительным стоном запрокинулся в неясном кругу фонаря.

– Я его знаю, – сказал негромко Катон. – Это один из наших. Кай Менат, из кавалерийской алы.

Присев рядом с ним на корточки, он ошупал рану. Туника пострадавшего липла к рукам из-за теплой, обильно струящейся крови. Катон, обернувшись, ожег взглядом сгрудившихся зевак.

– А ну, все назад! – прикрикнул он. – Дайте мне место!

Свой жезл он оставил в лагере: не любил вгонять в смущение бывалых служак, медливших подчиняться указаниям неприлично молодого центуриона. Однако те, кто служил с Менатом во Второй Иллирийской, признали своего офицера и сразу же отстранились. После секундного колебания последовали и остальные, и Катон опять повернулся к пострадавшему. Прокол в ткани был незначительный, но кровь текла обильно, и Катон задрал тунiku, чтобы оглядеть вымазанный красным торс лежащего. Там была небольшая, мелким зевом

вздувшаяся ранка; лоснясь под фонарем, она, пульсируя, исторгала наружу кровь. Катон рукой зажал место пореза, одновременно оборачиваясь к тем, кто стоял неподалеку:

– Вы двое, тащите какую-нибудь доску, понесете его на ней, живо! А ты беги в лагерь, отыщи там хирурга и быстро с ним в лазарет. Чтоб он был готов к тому моменту, как этот человек туда поступит. Скажи ему, что Мената ткнули ножом.

– Слушаю!

Недогулявший солдат отсалютовал и, повернувшись, припустил по улице в сторону городских ворот.

Пока Катон занимался Менатом, Макрон осторожно приближался к вооруженному ножом легионеру. Тот успел уйти от толпы на противоположную сторону улицы, где так и стоял в напряженной позе, диковато следя за приближением центуриона.

Макрон с улыбкой протянул на ходу руку:

– Отчаянный, хватит на сегодня. Дай-ка мне свой нож, куда еще бед не понаделал.

– Ублюдок сам напросился, – упрямо мотнул головой легионер.

– Уверен, что так оно и было. Позднее разберемся. А теперь дай его сюда.

– Не-ет, – густым от вина голосом протянул легионер. – Ты меня арестуешь.

– Арестую? – фыркнул Макрон. – Да это для тебя еще пустячок. Брось нож, а то ведь хуже будет.

– Ты не понял. Он, – легионер махнул ножом в сторону лежащего, – сплутовал, когда мы с ним в кости играли.

– Чего? – возмущенно выкрикнул чей-то голос. – Лжешь! Он все по-честному выиграл!

Послышался нестройный гам сердитого единодушия и не менее гневливого несогласия.

– Тихо!! – рявкнул Макрон.

Под его гневным взглядом все тут же прикусили языки. Выразительно помолчав, Макрон снова обратился к правонарушителю:

– Каково твое имя, звание и часть, легионер?

– Марк Метеллий Крисп, опцион, четвертая центурия второй когорты Десятого легиона! – безошибочно отчеканил тот и даже сделал неудачную попытку встать навывтяжку.

– Дай мне свой нож, опцион. Это приказ.

Крисп опять помотал головой:

– Да не пойду я под караул из-за этого вшивого плута!

Макрон, поджав губы, чопорно кивнул:

– Хорошо же. Тогда мы займемся этим с утра, первым же делом. Я поговорю с твоим центурионом.

Он начал отворачиваться, от чего Крисп уже успокоенно переступил с ноги на ногу. Одним быстрым, как вихрь, взмахом Макрон выхлестнул руку вбок и жезлом хряснул легионера по черепу. Крисп грянулся оземь, выронив при этом нож. Макрон встал сверху с поднятой рукой, но бездыханное тело внизу не шевелилось. Макрон с удовлетворенным кивком опустил жезл.

– Вы четверо, – жестом указал он на людей из Второй Иллирийской. – Соскребите этот кусок дерьма и отнесите к нам в караульную. Пусть помрет там, пока я улаживаю вопрос с его командиром.

– А ну, постой!

Выступив из толпы, на Макрона надвинулся некто дородный – выше на голову и соответственно шире в плечах; рыжеватый свет фонаря подчеркивал жесткость его черт. – Я забираю этого человека в распоряжение Десятого легиона. Мы там сами со всем разберемся.

Макрон, не тушуясь, оглядел нежданного миротворца.

– Я уже отдал приказ. Этот человек состоит под моим арестом.

– Нет, он отправится со мной.

– А ты кто, позволь поинтересоваться? – сдержанно улыбнулся Макрон.

– Центурион из Десятого легиона, который говорит тебе, как все будет, – ответил тот с язвительной ухмылкой. – Заметь, не вшивый центурионишка вспомогательной когорты. А теперь хорошо бы, чтобы твои вспомогатели потеснились и...

– Подумать только, как тесен мир, – мечтательно вздохнул Макрон. – Так ведь и я, надо сказать, не центурионишка вспомогательной когорты. Я, чтобы ты знал, префект Второй Иллирийской. А жезл при мне – так, воспоминание старых дней. Когда я еще дослуживал центурионом Второго легиона.

Какое-то время второй офицер оторопело оглядывал Макрона, вслед за чем вытянулся в салюте.

– Вот так-то лучше, – кивнул Макрон. – А ты кто будешь, язви тебя?

– Центурион Порций Цимбер, господин префект! Вторая центурия третьей когорты!

– Ну вот что, Цимбер. Этот человек пока отдохнет у меня. Найди своего легата и объясни ему, что произошло. Пусть его подчиненный себя не распускает, так вот пырять ножом одного из моих.

Макрона отвлек тягостный стон с земли, где пострадавший от ножа, отчаянно дернувшись, оторвал с себя руку Катона. Снова вольно брызнула кровь.

– Где доска? Я же просил! – раздраженно крикнул Катон, снова зажимая рану и склоняясь над Менатом: – А ты лежи!

– Холодно мне, – горячечно поводя глазами, сказал Менат, действительно трясась. – Знобит всего... И больно, пес его дери, ох больно...

– Крепись, – твердо сказал ему Катон. – Рану будем врачевать. Ты поправишься.

Небольшая толпа солдат с вкраплением вездесущих горожан стояла и молча глазела на страдания Мената и на то, как он прерывисто, с сипом дышит. Вот его затрясло, затем тело пошло судорогами, он весь мучительно напрягся и наконец с долгим, словно прощальным, выдохом затих. Катон прильнул ухом к его окровавленной груди и чуть погодя отстранился, отведя от ножевого ранения руку.

– Всё. Он отошел.

Секунду толпа молчала. Затем кто-то из иллирийцев прорычал:

– Тот выродок его убил. Все, не жить ему!

С гвалтом разгневанных, взывающих к мести голосов толпа разделилась надвое – велиты против легионеров. По обе стороны стиснутые кулаки, прочно упертые ноги; плечи, напрягшиеся в готовности ринуться в драку. Макрон, решительно встав между обеими стенками, вскинул руки.

– А ну, стоять! Хватит! Держать дистанцию, я кому сказал! – Со свирепым лицом он смотрел то в одну, то в другую сторону: мол, только попробуйте послушаться. – Центурион! – кивнул он Цимберу. – Уводите своих людей обратно в лагерь, быстрее!

– Слушаю!

Цимбер, салютнув, пихнул ближайшего по направлению ворот:

– А ну, пошли! Давайте, давайте! Покуролесили, и будет!

Сердитыми толчками он сбивал негодующих легионеров в кучу, прочь от таверны и лежащего на улице тела. Кто-то из иллирийцев крикнул им вслед:

– Ничего, мы еще встретимся! Поквитаемся с вами за Мената!

– А ну, тихо! – прикрикнул Макрон. – Закрывать рты! Центурион Катон?

– Слушаю!

Катон встал, отирая запачканные кровью руки о тунику.

– Дать легионерам фору, затем вести наших обратно в лагерь. И смотреть, чтобы с арестованным ничего не случилось.

– Как быть с Менатом?

– Его тоже взять. Санитарам из лазарета готовить тело к погребению.

Ожидая, когда легионеры отдалятся на безопасное расстояние, Катон подобрался к Макрону и тихо заговорил:

– Пахнет скверно. Не хватало еще, чтобы когорта выходила в поход с зубом на легион, а он – на нас.

– Да, правильно все, – мрачно согласился Макрон. – И Криспу со смертью нашего человека тоже жизни не будет.

– А что его ждет?

– За то, что зарезал своего? – Макрон лишь досадливо махнул рукой. – Приговорят к смерти, тут и к гадалке не ходи. Причем не думаю, что казнь Криспа положит всему этому конец.

– Вот как?

– Сам знаешь, каково оно, когда враждуют меж собой солдаты. Тут и в одном-то подразделении хлопот не оберешься. А уж если пойдет раздор между Десятым и Второй Иллирийской, тут уж... Помяни мое слово. – Макрон тяжело вздохнул. – Ладно. Мне сейчас писать донесение, чтоб его, проконсулу, и завтра с утра первым делом к нему. Так что я пошел. А ты еще чуток повремени и уж тогда веди наших ребят.

– Слушаюсь.

– Ну давай, Катон. До встречи.

Проводив взглядом Макрона, Катон посмотрел на тело, лежащее возле ног. Кампания еще и не начиналась, а армия уже потеряла двоих. Хуже того: если прав Макрон, одна лишь пьяная ссора может отравленной занозой засесть в сердцах людей. И это тогда, когда весь ум, вся рассудительность должны быть направлены на поражение парфян, а не на собственные распри.

Глава 3

Тело кавалериста было помещено на похоронные носилки, которые товарищи перед рассветом отнесли к погребальному костру. Костер был сооружен не遠далеке от лагерных ворот. В почетный караул умершего солдата стала его центурия, а вообще проститься пришла почти вся когорта. От Макрона не укрылся мрачный, мстительный настрой людей, когда он произносил по Менату краткую надгробную речь и подносил к костру факел. Люди угрюмо смотрели, как языки пламени жадно лижут промасленное дерево и с треском вспыхивают, посылая в яркое небо кружащееся взвихрение дыма и искр. Затем, когда костер прогорел и стал осыпаться, Макрон кивком указал Катону подавать приказ возвращаться в лагерь. По команде центуриона солдаты развернулись и молчаливым маршем двинулись обратно.

– Настроение, я бы сказал, не из лучших, – определил общую атмосферу Катон.

– Верно. Тебе лучше их чем-нибудь загрузить. Пусть занимаются, пока я у Лонгина.

– А чем?

– Да откуда я знаю, – сказал неохотно Макрон. – Ты же у нас умник. Тебе и решать.

Катон удивленно покосился, но ничего не сказал. Он знал, что Макрон всю ночь провел за составлением донесения, да еще за подготовкой похорон. Плюс вчерашние возлияния, а от этого бодрости духа не прибавляется. Поэтому Катон ограничился кивком.

– Отработка боевых приемов. На тренировочном оружии. От этого пыл из них повыйдет.

Несколько часов махания деревянными мечами удвоенного веса и щитами из ивовых прутьев – от этого выдохнется и сильнейший. По лицу Макрона едва заметно скользнула улыбка:

– Вот и действуй.

Катон отсалютовал и вслед за своими людьми направился к лагерным воротам. Какое-то время Макрон смотрел ему вслед, размышляя, когда же его товарищ полностью овладеет техникой муштры, на которую у него самого ушел далеко не один год. Там, где Макрон теперь просто выкрикивал указания, одобренные солеными словечками (если хотите, попробуйте сами поорать несколько часов кряду сквозь весь этот гам и стукотню на плацу), Катон, не развив еще у себя достаточной голосовой мощи, переходил с пояснениями от одного практиканта к другому, напоминая больше школьного учителя, чем центуриона-наставника, до которого дорос. Ну да ничего; еще несколько лет, и он, несмотря на молодость, освоит эту премудрость не хуже любого другого офицера. Только вот когда? Тут остается только вздохнуть. Потому что до этих пор Катону придется без усталости доказывать соответствие своему званию, до которого из его ровесников добрались пока весьма немногие.

Макрон держал путь к воротам Антиохии. Под штаб проконсул реквизировал себе одно из красивейших зданий в городе. Не наспех сооруженный преторий; не тесный полководческий шатер, отличающийся от походной палатки разве что размером да мелкими удобствами... Макрон мрачно улыбнулся. Про предстоящую военную кампанию с уверенностью можно сказать разве то, с какой роскошью выступит в поход полководец-проконсул: с пышностью такой, какая и не снилась его легионам, бредущим в полном снаряжении, да еще под гнетом тяжелых тюков с припасами.

– Люблю людей, что следуют примеру, – тихо усмехнулся он, шагая на встречу с Лонгином.

Проконсул Сирии поднял от пергамента глаза и откинулся в кресле. Напротив, через стол от него, сидели Макрон и командир Десятого легиона легат Амаций. Какое-то время Лонгин их оглядывал, после чего поднял брови.

– Не могу сказать, господа, что я чрезмерно доволен данным положением. Один человек мертв, другому предстоит наказание. Предполагаю, что это вызовет во вверенных вам частях изрядный всплеск недовольства. И вот теперь заниматься этим приходится еще и мне, как будто мне и без того мало забот по подготовке армии к походу.

Этот обвинительно-начальственный тон не вызывал ничего, кроме раздражения. Смерть Мената вряд ли можно было назвать его, Макрона, виной. Не пресеки они с Катоном разрастание той ночной заварухи, погребальных костров было бы сейчас не в пример больше; траурный шлейф дыма над лагерем стелился бы, как на пожарище. Вряд ли Крисп был единственным легионером, у кого в ту злополучную ночь под одеждой оказался припрятан нож. То же наверняка можно сказать и о людях Макрона. И та пьяная драка могла перерасти в куда более размашистую и гнусную поножовщину. Тем не менее ответ Макрона прозвучал сдержанно.

– Сожалеея о происшедшем, могу лишь сказать, что все могло сложиться еще хуже. Нам надо принять меры, чтобы люди успокоились и забыли о происшествии как можно скорей. Как в моей когорте, так и в Десятом легионе.

– Согласен, – кивнул легат Амаций. – Эту э-э... неувязку надлежит разрешить как можно быстрее. Моего легионера следует допросить и строго наказать.

– Наказать, – глядя подбородок, проворчал Лонгин. – И какого же наказания, по-вашему, заслуживает этот самый Крисп? Оно, безусловно, должно быть примерным. Показательным. Чтобы ни у кого больше не возникало соблазна совершать то, что произошло минувшей ночью.

– Безусловно, проконсул, – кивнул величаво Амаций. – Непременно порка. Перед строем, да еще и с разжалованием в рядовые. Такое мои люди забудут не скоро.

– Нет, – твердо перебил его Макрон, – так не годится. В результате того, что Крисп схватился за нож совершенно без нужды, погиб человек. Воин. Свою правоту Крисп мог доказывать в честном поединке, но он так не поступил. И теперь должен сполна понести ответственность за свои деяния. Все это однозначно прописано в уставе. Да и в ваших действующих предписаниях, проконсул. Всякому свободному от службы солдату запрещается носить в стенах города оружие – приказ, я так понимаю, отданный именно для недопущения случаев, подобных этому. Разве не так?

– Получается, так, – Лонгин, сделав ладони домиком, повернулся к Макрону. – И как же зачинщика, по-вашему, следует наказать?

Макрон напрягся сердцем. Удовлетворения от мысли, что он тем самым обрекает Криспа на смерть, у него не было, но ведь понятно, что любой иной расклад нанесет дисциплине в армии непоправимый урон. А потому в глаза проконсулу он посмотрел не колеблясь:

– Казнь. Людями из его центурии, перед лицом всей его когорты.

– Кстати, а кто у него командир когорты?

– По-моему, центурион Катор, – глядя на Лонгина, резко сказал Амаций. – В его отсутствие могу сказать, что мои люди будут резко против наказания, предложенного префектом Макроном. А ведь и в самом деле, с какой стати им с ним соглашаться? Ведь, если на то пошло, человек, которого он убил, был каким-то несчастным вспомогателем. Всего-то. Разумеется, о его смерти я скорблю ничуть не меньше префекта Макрона, но потеря этой единицы не идет ни в какое сравнение с потерей легионера, гражданина Рима. К тому же учитывая, что все это произошло по причине какой-то там пьяной уличной драки. – Он обернулся к Макрону. – Префект, я знаю, что произошло. У меня свои источники сведений. Сдается мне, ваш человек плутовал с легионером при игре в кости.

– Мои люди говорят иначе.

– Странно было бы представить иное, верно? Дай им волю, они бы с него шкуру спустили. А уж наговорить могли с три короба.

– Точно так же как ваши сказали бы что угодно, чтобы эту самую шкуру спасти, – холодно парировал Макрон. – Приходится исходить из того, что мнения обоих спорщиков были предвзяты. Но я-то там был и видел, что происходило. В отличие, кстати, от вас. Крисп виновен. И должен быть наказан по законам военного права.

Задумчиво поиграв бровями, Амаций сменил тактику.

– Да послушай же, префект! – с напускным радушием, по-свойски, воскликнул он. – Я прекрасно понимаю твои чувства по этому вопросу. Для тебя абсолютно естественно разделять жажду мести, которую испытывают твои люди...

– Не мести, легат. Справедливости.

– Называй как хочешь, – отмахнулся Амаций. – Но выслушай же и ты меня. Если б нож вынул не мой, а твой человек, ты бы ведь хотел его как-то выгородить, разве нет?

– Чего хотел бы я, к делу не относится, – заметил Макрон хладнокровно. – Наказание за подобное преступление совершенно недвусмысленно.

– Послушай, Макрон, – не сдавался легат, – ты ведь тоже был когда-то легионером?

– Был. И что?

– Как что! Где же твоя верность своим товарищам в легионах? Неужто ты допустишь, чтобы единокровного твоего товарища казнили из-за какого-то там олуха рекрута из провинциального захолустья?

Что?! Его люди – олухи из захолустья? Кровь вскипела у Макрона в жилах. Так отозваться о Второй Иллирийской, его когорте! О людях, что противостояли войску мятежников, за которыми стояла Парфия, и не дали прошлогоднему мятежу разрастись по всей Иудее! О людях, исполненных мужества и стойкости; о тех, кто превосходно показал себя на своем истинном месте – в битвах на благо империи! Макрон ими гордился. Гордился настолько, что являл им преданность большую, чем братству легионеров. Сейчас эта мысль, пронзив его, стала для него внезапным откровением. И Макрон ощутил ее подлинность. К своей новой когорте он прикипел сильнее, чем даже сам полагал. Ответственность и долг перед своим воинством – вот они, два непреложных постулата. И не дождется этот напыщенный аристократ Амаций, чтобы он, Макрон, собственными руками вбил клин между собой и людьми Второй Иллирийской!

Прежде чем ответить легату, Макрон для успокоения сделал глубокий вдох, а выдохнув, сказал:

– Никто из известных мне легионеров не опускался так низко, чтобы обратиться ко мне с таким призывом, легат.

От этих слов Амаций буквально поперхнулся.

– Какая вопиющая выходка, префект! – вспыхнув, воззрился он на Макрона. – Да за такое в моем легионе я бы вас в бараний рог согнул!

– Он не в твоём легионе, Галлий Амаций, – кашлянув, одернул легата Лонгин, – и потому не в твоём подчинении. Однако, – губы Лонгина расплылись в улыбке, – он состоит под моим началом, а такого скандального разногласия между двумя своими офицерами я не допущу. Поэтому прошу вас, префект, взять свои последние слова обратно и извиниться.

– Шли бы вы в Аид, – одними губами произнес Макрон.

– Пойду, и непременно, – как назло, расслышал фразу Лонгин. – Но только не с вашей легкой руки. А теперь вы или извинитесь, или я для командования Второй Иллирийской подыщу кого-нибудь другого.

– Уверен, кое-кому из моих офицеров просто не терпится щелкнуть этих зарвавшихся вспомогателей по носу, – со смаком поддакнул Амаций. – Эдак слегка осадить. Может, назначить туда кого-нибудь из моих трибунов?

Макрон стиснул зубы. Просто невыносимо, как эти два аристократа пользуют его сейчас себе на забаву. Вместе с тем открыто выказать им свое презрение как к политикам, разыгрывающим из себя солдат, значит ущемить их гордыню и за это жестоко поплатиться, что будет им только на руку. К тому же сейчас, на пороге войны с Парфией, какой-нибудь надутый, с неутоленной жаждой славы индюк-трибун из Десятого легиона нужен когорте менее всего. А потому Макрон, сглотнув, с застывшим лицом повернулся к Амацию:

– Приношу свои извинения, легат.

– Так-то лучше, – милостиво кивнул Амаций. – Всяк сверчок знай свой шесток.

– Точно, – припечатал и Лонгин. – Ладно, спор улажен. Но все равно предстоит определиться, как быть с этим вашим легионером.

– Ах да, – поморщился Амаций. – Думаю, при нынешних обстоятельствах довольно будет порки перед строем. И хотя я могу понять в этой связи чувства префекта, но ведь речь идет о жизни римского гражданина.

Макрон в еще одной, последней попытке урезонить проконсула подался к нему через стол.

– Как верховный полководец, вы не можете допустить, чтобы этот человек избег наказания, которого заслужил. Вдумайтесь, как на это посмотрит вся армия. Если не показать наглядно, какие последствия ждут нарушителей, которые против закона будут носить при себе ножи во внеслужбное время, это быстро войдет в привычку, и в таком случае вчерашнее убийство будет на улицах Антиохии далеко не последним. Поверьте, проконсул, просить смерти этого человека мне не доставляет никакого удовольствия, но вы должны отдавать себе отчет, какой урон понесет дисциплина, если преступнику будет пощада.

Лонгин нахмурился и, резко встав, прошел по комнате на балкон с видом на внутренний сад. Там за черепичной крышей примыкающего к саду помещения для рабов взгляду открывалась панорама города, его стены, длинный палисад армейского лагеря на соседнем холме. Сбоку от лагеря над амбулакрумом – плацем для упражнений – висела белесая дымка пыли: то ли патруль, то ли какое подразделение упражняется на утоптанной для этих целей площадке. После минуты-другой созерцания проконсул обернулся к двоим офицерам, все еще сидящим перед его столом.

– Очень хорошо. Решение я принял.

Катон медленно продвигался вдоль линии столбов, вкопанных по краю громадного овала амбулакрума. Пехотный состав Второй Иллирийской располагался у столбов рядами. При каждом из солдат был деревянный тренировочный меч с тяжелым свинцовым грузилом на рукояти и еще одним выше гарда. Левой рукой все сжимали ручки плетеных щитов, вес которых в сравнении с боевыми был тоже утяжелен. Чем сноровистей солдат научится орудовать такими тяжеляками в ходе муштры, тем быстрее и уверенней он будет действовать на поле брани, перед лицом настоящего врага. Пока же рекруты всего лишь с ревом набрасывались на чучелища-столбы и рубились с ними в неистовом граде ударов, покуда Катон не свистел в свисток, и тогда рубака, тяжело отдуваясь, отходил в конец ряда, а его место у столба занимал следующий.

От Катона не укрылось, что на столбы люди сегодня набрасываются охотно, со злостью, представляя, видимо, что рубят при этом не иначе как негодяя Криспа. Так оно или нет, но они без нареканий и жалоб хлестались под жарким солнцем уже с самого утра. Пускай позанимаются до полудня или несколько дольше, после чего их можно будет отослать в палатки на отдых. А после обеда начнется тренировка всадников: отработка бросков на

те же столбы – скоростная, с объездом и без, – в ходе которой оттачиваются еще и навыки верховой езды. Глядя на неустанные тренировки, Катон постепенно проникался уверенностью, что Вторая Иллирийская покажет себя достойно, когда маршем двинется в поход против Парфии. Он невольно улыбнулся: мысль о войне уже воспринималась как нечто само собой разумеющееся.

Вообще раздумья о предстоящей кампании жили в нем постоянно, и, несмотря на уверенность в своих людях, близость битв с парфянами вызывала у Катона волнение. Он уже достаточно четко представлял себе сложности, с которыми столкнутся римляне в противостоянии тактике парфян. За сотни лет враг скопил недюжинный опыт ведения конного боя и теперь представлял собой одну из самых грозных армий на свете. Их приемы были просты и неизменны. Бой завязывают конные лучники, осыпая врага на скаку градом стрел и стремясь нарушить его построение. Затем в дело вступают небольшие компактные части тяжеловооруженных катафрактов¹²; набрасываясь со своими копьями, они сминают и крушат неприятеля. Эта тактика не подводила их считай что никогда; она же привела к тому, что столетие назад оказались уничтожены легионы Красса. И вот теперь изведать на себе мощь парфян предстояло обновленной римской армии – ощущение, от которого нутро тревожно холодело.

– Командир! – окликнул Катона один из оптионов, помогающих ему на тренировках, и посошком указал в сторону холмов на востоке. Катон повернулся и оглядел дальние каменистые склоны в пучках кустарника и отдельно растущих кедров. Вот вдаль что-то сверкнуло – в неглубокой ложине, ведущей с гор по направлению к Антиохии. Катон, сощурившись, сделал козырьком руку в попытке высмотреть какие-нибудь подробности. Из устья ложины спускалась цепочка крохотных фигурок, конных. Оптион встал с командиром бок о бок, и они уже вдвоем всматривались вдаль, оставив без внимания немолчную стукотню тренировки за спиной.

– Это еще что? – пробормотал оптион.

Катон пожал плечами:

– Пока и не разобрать. Наверное, караван откуда-нибудь из Халкиды, Береи, а то и Пальмиры.

– Караван? По-моему, вряд ли. Да и верблюдов что-то не видно.

– А и вправду...

Катон цепко разглядывал отдаленную группу всадников, которая все прирастала, пока общий ее счет не составил по меньшей мере сотню. Блики солнца поигрывали на оружии и доспехах этой конницы; при виде всего этого по спине льдистой струйкой пробежал страх. Опустив ото лба руку, Катон начал тихо и внятно диктовать приказы оптиону:

– Сейчас отводишь людей в лагерь и подзываешь нашу кавалерию. Чтобы все здесь были в боевой готовности. Отправь к проконсулу гонца, что с востока приближается колонна всадников.

– А как ему сказать, кто они?

– Пока точно не ясно, – секунду помедлив, ответил Катон. – Но лучше подстраховаться. Всё, иди.

Оптион, салютнув, спешно отправился обратно на плац, выкрикивая на ходу приказы прекратить тренировку и строиться. Люди с усталой ленцой становились в общую колонну, которая размаанным шагом двинулась с амбулакрума в направлении лагерных ворот, оставляя Катона в одиночестве наблюдать отдаленную конницу. К той поре как из ложины выкатился последний всадник, их в общей сложности насчитывалось уже сотни две, не меньше. А

¹² Катафракты (катафрактариин) – тяжелая кавалерия, вооруженная контосами – огромными копьями. Такая конница атаковала врага на легкой рыси сомкнутым строем. Именно в особенностях тактики и заключается основное отличие катафрактариев от других видов тяжелой конницы.

впереди них в мерцающем мареве зноя лениво колыхался стяг в золотисто-красную полосу. Конница неспешно продвигалась в сторону Антиохии и армейского лагеря, расprostертого у городских стен. Судя по всему, задачи огорошить римские заставы внезапностью перед ней не ставилось. Всадники намеренно выставляли себя напоказ.

Изнутри лагеря донесся пронзительный рев бучин, и уже вскоре первая из конных ал Второй Иллирийской на рысях вышла из ворот и в два ряда выстроилась у плаца в ожидании дополнительных турм, которые должны были занять позицию справа. Когда последний кавалерист приструнил своего коня и взгляды сжавших копыта всадников когорты устремились на отдаленное воинство, из городских ворот вылетела небольшая кавалькада штабных офицеров, во весь опор – мучнистые облачка пыли и камни из-под копыт – скача к Катону и его людям. Во главе кавалькады колыхался броско-алый гребень шлема, при виде которого Катон немного успокоился: как-никак сам проконсул Сирии берется оценить положение. Летучий отряд начальства, в котором помимо свиты проконсула скакали также Макрон и легат Десятого, осадил коней вблизи Катона.

– Центурион! – властно простер руку Лонгин. – Доложить обстановку!

– Все как вы видите, проконсул, – Катон кивнул в сторону близящейся конницы. – Они вооружены, но враждебных действий пока не предпринимали.

Лонгин какое-то время напряженно разглядывал всадников. Густая их цепь остановилась на тропе из лощины, и теперь от нее отделилась небольшая группа с тем самым стягом. Неизвестные всадники галопом скакали по протяженности сухой пустоши между холмами и лагерем. Их приближение сопровождал донесшийся до слуха римлян гуд рога.

Лонгин повернулся к легату Амацию, конь которого стоял чуть сзади.

– Похоже, кто-то прибыл с мирными намерениями.

– Мирными? – оторопело переспросил Амаций. – Но кто это, клянусь Юпитером?

Катон вглядывался в скачущих всадников, до которых теперь было не больше полумили. Пыль из-под конских копыт образовывала облако, на фоне которого четче проглядывались детали: конические шлемы, расшитые одеяния, колчаны у седел.

– Это парфяне, – обернулся он к проконсулу.

– Парфяне? – Рука Лонгина непроизвольно соскользнула на рукоять меча. – Парфяне... Но что они здесь делают? Прямо, разрази их небо, у нас под носом.

В сотне шагов от офицерской кавалькады всадники осадили своих скакунов. Один из верховых, наддав коленями, размашистым шагом направил коня навстречу римлянам.

– Проконсул, – Макрон неброским кивком указал на ждущую алу Второй Иллирийской, – мне приказать преградить ему дорогу?

– Не надо пока, – тихо ответил Лонгин, не спуская глаз со всадника.

– Хм, парфяне, – Амаций нервно поскреб подбородок. – Клянусь небом, чего им нужно?

– Скоро узнаем, – ответил Лонгин, сжимая руку на рукояти меча.

Глава 4

В нескольких шагах от римских офицеров парфянин учтиво склонил голову и, отведя от лица тонкий шелковый платок, обнажил свои смуглые черты. Глаза у парфянина оказались слегка подведены, борода и усы аккуратно подстрижены. Улыбаясь уголками губ, он с легким акцентом заговорил на латыни:

– Мой повелитель царевич Метакс приветствует вас и хотел бы говорить с наместником сирийской провинции. По моему скромному разумению, – он бегло оглядел римских офицеров, – кто-нибудь из столь изысканно одетых особ мог бы передать ему эту покорную просьбу?

Лонгин напыщенно выпятил грудь:

– Я Кассий Лонгин, проконсул Сирии, и возглавляю армию на востоке империи. Что нужно твоему повелителю?

– Царевич Метакс послан нашим царем, да продлятся его дни, обсудить кое-какие разногласия между Парфией и Римом в надежде на то, что две наши державы смогут разрешить спор, не прибегая к помощи силы. Царь наш не желает наносить без нужды урон вашему столь великолепному войску.

– Вот как? – язвительно ухмыльнулся легат Амаций. – Что ж, хотелось бы взглянуть, как побегут его лошади, когда встретятся с мощью Десятого легиона.

– Тихо! – Лонгин ожег подчиненного взглядом, после чего опять повернулся к парфянскому посланцу. – Я готов разговаривать с твоим повелителем. Проси его подъехать сюда.

Парфянин хитро улыбнулся.

– Увы, мой повелитель слышал, что кто-то из римлян в прошлом не всегда чтит традиции перемирия.

Лонгин потемнел лицом:

– Ты смеешь обвинять меня в такой низости?

– О что вы, мой господин, как можно! Разумеется, нет. Вас я ни в коем случае не смею обвинять.

– Тогда пусть твой повелитель подъедет сюда ко мне для разговора. Если у него нутра достанет.

– Нутра? – с ноткой растерянности переспросил парфянин. – Прошу простить, мой господин, но я не вполне понимаю это выражение...

– Передай своему хозяину, что я не буду вести разговор с его рабом. Скажи ему, что я буду разговаривать с ним здесь и сию же минуту, если у него хватит храбрости выбраться из-за спин своих телохранителей.

– Я с радостью ему это передам, однако смею догадываться, что он ответит примерно тем же. Но я уверен, что такой великий полководец, как вы, смел настолько, что без труда покинет опеку таких грозного вида воинов, – он округлым жестом обвел свиту из офицеров и кавалерию когорты Макрона. – Впрочем, из почтения к вашим вполне объяснимым опасениям мой повелитель позволил мне предложить вам от своего имени встретиться посередине между нашими двумя воинствами.

Лонгин мельком оглядел открытое пространство между лагерем и всадниками в богато расшитых плащах.

– То есть один на один?

– Да, мой господин.

– Проконсул, не делайте этого, – спешно вставил Амаций. – Это не иначе как какая-то уловка со стороны этих варваров. Трудно и представить, на какое коварство они способны.

– Едва ли, – усомнился Макрон. – Вряд ли этот царевич представляет собой какую-то опасность.

– Да что вы понимаете, префект! – вспыхнул легат. – Эти парфяне могут поразить проконсула стрелой еще до того, как он приблизится к назначенному месту!

– Не исключено, – пожал плечами Макрон. – Но они рискуют и своим переговорщиком. Кроме того, налицо потеря достоинства. Если проконсул уклонится от предложенного, то как на это отреагируют в Риме?

– Мои господа, – поднял руку парфянин. – Прошу простить за то, что встречаю в ваш спор, но если вы считаете, что подобная встреча чересчур рискованна, то могу ли я предложить, чтобы обе стороны отделились на расстояние, недостижимое для стрелы – скажем, и царевич, и проконсул с тремя сопровождающими от каждой из сторон? Быть может, это бы развеяло ваши подозрения и страхи?

– Страхи? – презрительно поглядел Лонгин. – Я не боюсь, парфянин. Римляне не знают страха ни перед чем, и уж тем более перед варварами с востока.

– Отрадно это слышать, мой господин. В таком случае я могу уведомить своего повелителя о вашем согласии насчет встречи? Вы и трое ваших почтенных соплеменников?

Катона втайне позабавило, с какой гладкостью хитрому парфянину удалось обставить проконсула в принятии решения. Лонгина это, напротив, взбеленило настолько, что он не сразу вернул себе самообладание. А заметив выражение лица Катона, тут же ткнул в него обличительным перстом:

– Центурион Катон – вы, я вижу, в веселом расположении? Ну так будете меня сопровождать. Вы, ваш друг Макрон и легат Амаций. Остальным присоединиться к кавалерийской але. Все остаются здесь. Если я дам знак, немедленно спешите к нам на помощь. Выполнять!

Повернувшись к парфянину, он надменно бросил:

– Скажи своему хозяину, что встреча состоится, как только остальные его люди отступят на безопасное расстояние.

– Будет сделано, мой господин, – парфянин склонил голову и, развернув всхрапнувшего коня, лихим галопом помчался к своим, не давая римлянину опомниться и поменять решение насчет условий встречи.

Макрон между тем придвинулся к Катону и вполголоса сказал:

– Ну, спасибо за то, что втянул меня в это.

– Прошу прощения, – с готовностью извинился Катон и указал в сторону конной алы: – А теперь мне бы э-э... лошадь.

– Ступай, выбирай – а то, не ровен час, еще чего-нибудь выкинешь.

В то время как Катон отходил в хвосте других офицеров, Амаций, Макрон и проконсул смотрели, как парфяне разворачивают и уводят своих коней, оставляя на месте только посланника, знаменосца и еще двоих. Макрон задумчиво потарабанил пальцами по луке седла.

– Чего же они все-таки хотят? Кто-нибудь знает?

– Лично я понятия не имею. – Лонгин помолчал, затем ворчливо заметил: – Ума не приложу, как они умудрились незамеченными так близко подобраться к нашему расположению. У нас что, в разъездах и на заставах служат слепцы? Кто-то за это ответит, – мрачно заключил он.

Все трое обернулись на стук копыт: это прибыл верхом Катон.

– Смотреть в оба, – обратился к офицерам Лонгин. – При первом же признаке опасности подавать сигнал криком и бросаться на этих вырожденков. Однако помните: у нас до сих пор перемирие. Движение можно делать лишь тогда, когда его сделали они. Поэтому руки держать на виду, к оружию не притрагиваться.

Амаций резко втянул носом воздух.

– Будем надеяться, что и царевич скажет своей челяди то же самое.

– Именно, – кивнул Лонгин и для успокоения сделал глубокий вдох. – А теперь всё, едем.

Каблуками сафьяновых сапог он нежно ткнул в бока своего коня, направляя его вперед. Остальные тронулись следом цепочкой, осторожно направляясь через пустошь навстречу парфянам. Держась чуть сзади и сбоку своего командира, Катон не без труда сдерживал соблазн положить ладонь на рукоять меча, но вместо этого сжимал обеими руками поводья. Спину он держал нарочито прямо, чтобы парфянам казаться надменным и бесстрашным – хотя у самого в животе все сжималось от страха, а сердце гулко стучало в ребра. Себя он презирал уже за то, что вообще вынужден выказывать эту фальшивую браваду. Случайный взгляд вбок открыл, что и Макрон пытливо смотрит на парфян, но скорее с любопытством и оценивающе, чем с боязнью или напряжением. И Катон как за спасение ухватился за мысль, что его бесстрашный друг даст фору любому парфянскому воину, каков бы тот ни был, если только он замыслил что-нибудь коварное.

Обе группы всадников сближались в полной тишине, нарушаемой лишь глухим стуком и поскрипыванием копыт по щербатой земле. В ярком свете дня отчетливо виднелся прихотливый орнамент на колчанах парфян, а также тонкая изысканность их одежд. Лошади под ними были несколько меньше, чем у римлян, но прекрасно ухоженные – гладкие, мускулистые, и двигались с эдакой текучей грацией. Знаки различия у парфян были непонятны; исключение составлял, пожалуй, только знаменосец, у которого к седлу было приторочено что-то вроде большой плетеной корзины. По молчаливому согласию стороны остановились друг от друга на двойной длине копья и вопросительно друг друга оглядели. После этого самый рослый из парфян неожиданно откинул от лица платок золотистого шелка и заговорил.

Посланник с вниманием выслушал, после чего почтительно склонил голову и лишь затем обернулся к римлянам:

– Царевич желает вам бесконечного здоровья и преуспевания. Вам, вашему императору и всему вашему народу. Он также похвально отзывается обо всех тех прекрасных землях, которые вы заняли именем Рима. Он говорит, что несказанно впечатлен вашими линиями сторожевых башен и передовыми заставами, что обороняют подступы к Антиохии. Нам было не так-то просто подступить и пройти через них незамеченными.

При последней фразе губы Лонгина сжались тонкой линией, а свободная рука на секунду стиснулась в кулак.

– Довольно любезностей, – вскинул он руку. – Я так понимаю, вы здесь не для того, чтобы восхищаться красотой окрестностей. Давайте по существу. Что желает царевич?

Между царевичем и посланцем последовал короткий обмен фразами, после чего последний заговорил снова:

– Парфия настаивает, чтобы Рим впредь воздержался от любых дальнейших попыток распространять свое влияние в сторону Евфрата.

– Рим имеет полное право оберегать свои границы, – твердо сказал Лонгин.

– Да, однако ваши границы имеют обыкновение неуклонно ползти дальше, подобно татам, влезающим во дворы своих следующих жертв.

– Как тебя понимать? Мы чтим наше действующее примирение.

– Между Римом и Парфией да, – согласился посланник, – но как у вас обстоят отношения с Пальмирой? Вы используете ее земли как свои собственные, а ваши солдаты маршируют уже у самих границ с Парфией.

– Пальмирский правитель Вабат подписал с Римом мир, – значимо напомнил Лонгин.

При переводе этих слов царевич язвительно хмыкнул, после чего разразился продолжительной тирадой, скептическая суть которой была римлянам ясна уже до того, как послан-

ник взялся передавать слова своего повелителя. Макрон, встретившись исподтишка взглядом с Катонем, истомленно возвел глаза. Катон не ответил. Его друг был воином до мозга костей, но люто ненавидел любое проявление политиканства, и было очевидно, что его присутствие при этой дипломатической тяжбе – лишь дань преданному служению Риму. Катон округлил глаза и со своей стороны отправил другу предостерегающий взгляд. Макрон лишь на секунду вопросительно приподнял бровь, вслед за чем едва заметно пожал плечами, в то время как посланник излагал слова своего хозяина на латыни.

– Царевич Метакс говорит, что ваше истинное намерение за этим договором видно невооруженным глазом. Всем известно, что это просто шаг к последующему присвоению Пальмиры.

– Правитель Вабат вступил в договор по своей воле.

– А если бы правитель или его преемник решил, что из договора следует выйти? Что тогда?

Попавшись уже раз на уду, Лонгин, прежде чем ответить, поразмыслил.

– Но вопрос сейчас так не стоит. Пальмира и Рим просто добрые соседи.

Парфянский царевич на это желчно рассмеялся и при ответе ткнул в сторону римского наместника пальцем.

– Соседи, добрые? – перевел посланец. – Единственно добрые для вас – это сам Вабат и его выжившее из ума старичье. Что же касается пальмирской знати, то она этот договор открыто порицает. Во дворце есть даже такие, кто считает, что сам правитель без малого изменник. Ваш договор – бессовестная ширма, и недалек тот день, когда правитель будет вынужден его расторгнуть. А если у него этого не получится, то будьте уверены, что оковы, связывающие Пальмиру с Римом, непременно порвет его преемник. Если же Рим попытается вмешаться в дела Пальмиры силой, то тогда Парфия сделает все, чтобы защитить своего соседа от навязывания воли Рима!

Теперь рассмеялся уже проконсул.

– Парфия – защитник? Это что-то новое! Ваше желание прибрать Пальмиру к рукам лежит, можно сказать, на поверхности. Но откуда у вас мысли, что народ Пальмиры одобрит парфянское вторжение?

– У нас есть все основания так полагать. И мы открыто даем знать, что будем оберегать ее независимость как от Рима, так и от любого другого посягателя.

– Думаете, они вам поверят? Чего ради доверяться вам и вашим добрым намерениям им следует больше, чем нашим?

– Потому что мы не посылали своих воинов в их земли, чтобы возводить там крепости, которые медленно, но верно обратятся в прутья решетки. Вы уже недавно пытались возвести укрепление на берегу самого Евфрата, этой священной реки – не ровен час, и римские армии хлынули бы через нее подобно ножам, направленным в горло Парфии!

Макрон, подавшись к Катону, прошептал:

– Поэтично вещает, поглоти его Аид – ты не находишь?

– Чш-ш, – остерег Катон на максимально допустимой в данных условиях громкости. Парфянский посланник, проконсул и легат вопросительно обернулись на центурионов, вслед за чем парфянин возобновил обличительную речь своего хозяина.

– Столь открытого посягательства Парфия не потерпит. То укрепление было явным подтверждением истинных замыслов римлян, и мы требуем не допускать подобных выпадов впредь.

– А что такое? – встрепенулся Лонгин. – Что случилось с тем укреплением?

– Оно разрушено.

– А вспомогательная когорта, посланная на строительство, – что с ней?

– Уничтожена.

– Уничтожена? – Лонгин оторопело помолчал. – Ну а пленные? Где они?

– К сожалению, пленных нет.

– Ублюдки, – буркнул легат Амаций. – Гнусные убийцы.

– Сдаться они отказались, – пояснил посланник. – Нашим воинам оставалось лишь одно: стереть их с лица земли.

Какое-то время Лонгин подавленно молчал, а затем промолвил:

– Пятьсот человек и один из лучших боевых командиров армии... Центурион Кастор. – Он гневно воззрился на царевича. – Скажи своему хозяину: это недопустимые военные действия.

Переведенные посланцем слова вызвали у Метакса улыбку.

– Действия *какие*? Уничтожение вашей когорты или угроза, которую она составляла нашему царству?

– Не подменяй одно другим! – воскликнул проконсул. – Он прекрасно понимает, о чем я. Когда весть об этом дойдет до ушей императора, то нет такой силы, которая воспрепятствовала бы ужасной мести, что обрушится на Парфию. И эту участь вы навлекли на себя сами.

– У нас нет желания первыми начинать войну, о полководец.

– Вздор! – спесиво фыркнул Амаций. – Вы истребляете одну из наших когорт и говорите при этом, что не желаете провоцировать войну!

Рука легата легла на рукоять меча – жест, тут же замеченный парфянами. Один из телохранителей царевича с серебристым шелестом вынул из ножен меч; змеисто блеснуло на солнце длинное кривое лезвие. Под строгим окриком Метакса воин без особой охоты сунул оружие обратно в ножны.

– Я бы на вашем месте убрал руку с меча, – тихо посоветовал Катон легату.

Напоровшись на взгляд молодого центуриона, Амаций раздул ноздри, но кивнул и ослабил хватку.

– Что ж, ладно. Но за Кастора и его когорту вас ждет расплата. Когда-нибудь.

На посланца, судя по всему, это впечатления не произвело.

– Быть может, но только не в этой жизни. И не в том случае, если Рим действительно ценит мир на своих восточных границах. Мой повелитель говорит, что вам надлежит вывести из земель Пальмиры свои войска. А еще, что в дальнейшем вы не должны вмешиваться в ее внутреннюю политику. Нарушение хотя бы одного из условий вынудит Парфию на ответные действия. И несмотря на то что как царевич, так и его отец царь Готарз всецело желают мира, они будут вынуждены начать против Рима войну. И такая война встанет Риму дорого. Многие из ваших соплеменников разделят участь Красса и его легионов. Таковы слова моего повелителя, – посланник почтительно склонил голову. – Вы слышали это предупреждение, мой господин, и добавить к нему более нечего.

Парфянский царевич сказал еще что-то, а затем указал на корзину, притороченную к седлу его знаменосца. Тот отвязал ее от луки седла, и ноша тяжело шлепнулась к копытам его лошади. Затем парфяне развернули своих быстрых храпливых коней, и тогда посланник напоследок перевел римлянам:

– Мой повелитель предлагает вам принять дар. Подарок с берегов Евфрата. Считайте его провозвестником будущего, если вы все же решите пойти наперекор парфянскому царству.

Парфяне пришпорили коней и с места сорвались в галоп, обратно к своим товарищам, которые один за другим уже поворачивали и отдалялись от Антиохии обратно в долину. С минуту римляне смотрели им вслед сквозь поднятые конскими копытами клубы пыли. Затем Лонгин перевел взгляд на плетеную корзину, лежащую на каменистой земле.

– Центурион Катон?

– Слушаю?

– Посмотрите, что там внутри, – указал проконсул.

– Слушаю.

Перекинув ногу через седло, Катон соскочил на землю. К корзине он подходил осторожно, как будто она была наполнена змеями и скорпионами. Сглотнув, потянул за ручки туго пригнанную крышку. Внутри находился простой глиняный кувшин размером с крупный арбуз. Донце у него при падении треснуло, и Катон учуял запах оливкового масла, которое медленно вытекало через прутья корзины. В кувшине жирно поблескивала темная спутанная масса, которая с утечкой масла как бы проседала и лоснилась внутри еще одного округлого предмета.

– Ну, что там? – нетерпеливо спросил Амаций.

Потянувшись внутрь и ухватившись за маслянистые темные щупальца, Катон почувствовал, как к горлу подкатывает комок желчи. Стиснув зубы, он поднял и предъявил в вытянутой руке увесистое содержимое кувшина. Масло стекало по землистой коже отделенной от тела головы, капало наземь с печально обвисших губ. При виде головы лицо у легата Амация исказилось.

– Центурион Кастор.

Глава 5

– Солдаты Рима! – Кассий Лонгин торжественно оглядел пиршественную залу своей резиденции. С возвышения, где он стоял, отчетливо различались лица собравшихся здесь центурионов, трибунов, легатов. – Войне с Парфией – быть!

Сдержанный рокот прокатился по зале; офицеры переглядывались меж собой, пока наконец в нависшей тишине все взгляды не оказались устремлены на проконсула Сирии. Весть об отряде парфянских всадников, как из-под земли возникшем давеча под самыми стенами Антиохии, бурей пронеслась и по лагерю, и по улицам города. Говорили разное: от заключения вечного союзничества между Римом и Парфией до наступления громадного парфянского войска, что марширует уже не более чем в одном дне пути от Антиохии с указанием безжалостно истребить всех мужчин, женщин и детей, а сам город сжечь дотла. Слова Лонгина внесли первую ясность в доселе расплывчатую картину, и теперь офицеры с напряженным вниманием вслушивались, рассчитывая узнать какие-нибудь детали. Дождавшись, когда воцарится полная тишина, проконсул продолжил:

– Несколько дней назад парфяне врасплох застigli одну из наших застав и истребили там гарнизон в составе одной когорты. Прежде чем в спешке улизнуть, недавние гонцы от неприятеля оставили нам якобы в подарок голову ее командира, центуриона Кастора из Десятого легиона.

Стоящие вокруг Катона и Макрона офицеры негодуя загудели, а Макрон, пихнув локтем своего товарища, сказал ему на ухо:

– Надобно пожалеть парфян, что окажутся напротив нашей позиции: пахнет для них могилой.

– Могилой, говоришь? – скептически усмехнулся Катон. – А вот я насчет предстоящей кампании твоего оптимизма не разделяю. Этих парфян так просто не возьмешь.

– Ой, да брось ты! И не таких бивали.

– Да неужто? Ну-ка, просвети.

Поглядев секунду на друга, Макрон поджал губы.

– Вообще-то замечание уместное, – признался он. – Парфяне в бою ох какие злючие. Но чем крепче орешек, – он жарко потер ладони, – тем приятней его раскалывать!

Катон внимательно поглядел на Макрона, а затем покачал головой:

– Иногда, клянусь богами, мне кажется, что ты все это воспринимаешь как какую-то игру.

– Игру? – переспросил Макрон удивленно. – Да ну, что ты! Это гораздо увлекательней игры. Это вызов; зов, если хочешь. Для истинных солдат в этом смысл жизни. А впрочем, тебе не понять. Ты же у нас философ – тонкие материи, все такое.

Катон вздохнул. По разумению Макрона, все то обширное образование, которое Катон получил до поступления на службу, являло собой скорее вред, чем благо – что он, кстати, не уставал Катону повторять. Сам же Катон чувствовал, что армия стала для него доподлинной семьей, но что для исправного исполнения служебных обязанностей тот культурный багаж, который он с собой носил, являлся лишь ничемным бременем, за исключением разве что тех редких случаев, когда его абстрактное знание вдруг неожиданно пригодились на практике. И тогда даже Макрон ворчливо шел в их всегдашнем споре на попятную, хотя и пытался скрыть свой восторг перед ученостью друга.

Лонгин воздел руку, унимая возмущенный гвалт среди своего воинства.

– Солдаты! Я знаю, каково вам выслушивать подобные известия. Ваши горе и гнев я делю вместе с вами и клянусь всемогущим Юпитером Статором, что гибель центуриона Кастора и его людей будет отмщена. Мы предадим парфян огню и мечу – такому, что они

более никогда не нарушат мир на наших землях и землях наших союзников. Наша цель – неумолимое уничтожение Парфии как военной державы, и мы не отступимся, пока их царь не падет перед нашим императором на колени с мольбой о пощаде!

Офицеры одобрительно затопали, и Макрон снова пихнул Катона в бок.

– Видал? Вот так-то. Нет, что ни говори, а Лонгин полководец что надо!

Катон нахмурился.

– Ты, наверное, забыл, для чего нас изначально направили на восток? – Он понизил голос. – Этот человек замышлял против императора.

– Мы так и не нашли тому доказательств.

– Верно, не нашли, – согласился Катон. – Решающих. Но мы знаем, что он затевал. Нам известна суть этого человека, Макрон. Я ему не верю. И тебе следовало бы в нем усомниться.

Макрон, взвешивая сказанное, потер себе подбородок исцарапанными костяшками пальцев.

– А может, это для него шанс искупить вину?

– Или же попытка обзавестись репутацией, затем влиянием, затем достаточной властью и наконец противопоставить себя императору. При любом из раскладов нам нужно быть с ним настороже. Если в этой войне он будет действовать безрассудно, то мы в большой опасности. – Катон с легким прищуром оглядел в зале других офицеров. – То есть мы все. Нужно, чтобы на парфян нас вел полководец-воин, а не заносчивый политикан. Кроме того, эта кампания дает ему роскошную возможность избавиться от нас с тобой. Помяни мое слово. Нам нужно быть начеку.

– Справедливо, – глубокомысленно кивнул Макрон.

Лонгин на возвышении снова призвал к тишине.

– Я разослал приказы Третьему и Шестому легионам срочно прибыть в наше расположение. Как только армия соберется воедино, мы двинемся на восток и сокрушим парфян. А до этих пор, соратники мои, мы должны готовить своих людей к войне. Пусть каждый офицер позаботится о полной готовности своего снаряжения, отзовет всех солдат из отпусков и выполнит все необходимые по артикулу предписания. Я намерен, как только армия достигнет необходимой готовности, немедленно сняться с лагеря. Все свои приказы по предстоящему походу вы получите в ближайшие несколько дней. На этом я заканчиваю... Пройдут годы, и когда мы уже состаримся, люди в торжестве и удивлении посмотрят на нас и скажут: «Посмотрите, вот они, те герои, что сокрушили старейшего и злейшего врага Рима!» И если мы одержим победу – точнее, *когда* мы одержим победу, ибо так оно и произойдет, – то это будет не просто победа. Это будет больше чем победа. Через деяния наши мы обретем бессмертие, ибо чего более может желать истинный римлянин? – Лонгин вынул меч и вскинул его высоко над головой. – За Рим и нашу победу!

Всюду вокруг офицеры вскидывали кулаки, с ревом подхватывая победный клич. Макрон, вскользь глянув на Катона, влился в общий ор и теперь с упоением надрывал глотку. Катон со вздохом тоже стал нехотя открывать рот, больше для виду. Уже не в первый раз, несмотря на выстраданное восприятие себя как солдата, он чувствовал себя далеким от службистского рвения остальных офицеров. А на возвышении этим угаром боевитости вовсю упивался Кассий Лонгин; обращаясь попеременно то к одной, то к другой части собрания, он картинно вскидывал в воздух свой меч. Наконец он сунул его в ножны и сошел с подиума, а вместо него туда поднялся старший центурион Десятого легиона и, стукнув витым церемониальным жезлом по известняковой плите, рявкнул:

– Разойдись!

Офицеры развернулись и зашаркали к дверям, оживленно беседуя о видах на предстоящую кампанию. Этот был по сути первый поход для многих, кто был из разных мест переведен служить сюда, в сирийскую провинцию. Хрупкое равновесие сил, существовавшее

между Парфией и Римом со времен первого императора Августа, теперь перестало существовать. Долгая игра дипломатических ходов и ухищрений, осуществлявшаяся агентами двух империй, пошла прахом, и отныне конфликт решало столкновение двух великих армий.

– Префект Макрон! Центурион Катон!

От резкого, эхом отскочившего от стен оклика Катон невольно вздрогнул; вместе с Макроном они обернулись на старшего центуриона, который таращился им вслед.

– Задержитесь!

– О боги, – буркнул Макрон под любопытными взглядами ближних офицеров, – ну что там еще?

Катон пожал плечами и взялся протискиваться к подиуму против встречного течения покидающей залу толпы. От него не укрылось, как с возвышения на них с Макроном выжидательно поглядывают проконсул и легат Амаций.

– Все, ты можешь идти, – кивком отпустил Лонгин старшего центуриона, когда Катон и Макрон остановились рядом, а залу покинули последние офицеры.

– Слушаю, проконсул!

Центурион бойко отсалютовал, развернулся и, звонко печатая по плитам шаг шипованными подошвами, удалился вслед за остальными. Гулко хлопнули наружные двери, и тогда Лонгин обернулся к Макрону с Катоном.

– Насколько помнится, у нас перед выходом в поход остался еще один недорешенный вопрос, касательно судьбы легионера Криспа. Так вот, я с ней определился.

Подчиненные все втроем напряженно уставились на своего начальника, который между тем продолжал:

– Ввиду тяжести содеянного, а также крайней необходимости сохранить в данных обстоятельствах дисциплину, я решил, что Крисп должен быть казнен.

– Нет! – воскликнул Амаций. – Проконсул, я протестую. Вы подали мне надежду, что ему сохранят жизнь.

– Я ничего такого не говорил, – с упрямым наклоном головы сказал Лонгин. – С чего вы решили?

Амаций стиснутыми зубами втянул воздух.

– Но, проконсул... вы *подразумевали*. Как бы намеком.

– Намек еще не доказательство, – Лонгин со значением задержал взгляд на Макроне с Катоном, после чего продолжил: – Криспа забьют насмерть люди из его центурии, перед строем Второй Иллирийской. Завтра на рассвете. Вы, легат, доведите это известие до арестованного и удостоверьтесь, чтобы до исполнения приговора он был надежно заточен. Я слышал, прежде бывали случаи, когда осужденные бежали из-под стражи. Так вот, если вдруг скроется от правосудия Крисп, его место займут те, кто его охранял. Убедитесь в том, что караульщики правильно вас поняли. Я ясно выражаюсь?

Амаций проглотил свой гнев и с горечью обратился к Макрону.

– Представляю, какой восторг эта новость вызывает у вас.

Макрон, отвечая взглядом на взгляд, после секундной паузы сказал:

– Если вы это представляете, легат, то тогда, боюсь, вы никогда не поймете людей, которыми командуете.

Амаций еще раз сверкнул на Макрона взглядом, вслед за чем, расправив плечи, повернулся к Лонгину:

– Будут ли еще указания, проконсул?

– Это все. Товарищам Криспа завтра с первым светом быть на плацу у лагеря. Одеты в одни туники, вооружены палками.

– Слушаю.

Голос Амация звучал подавленно, и можно понять почему. Заносчивые легионеры будут унижены тем, что появятся перед ауксилиариями Второй Иллирийской – этими *вспомогателями* – без оружия и доспехов. Это делалось вполне намеренно. Армейская дисциплина вменяла, чтобы товарищи осужденного разделяли его стыд и от этого горели жаждой выместить на нем свое унижение. Поскольку уводить их из расположения Десятого, а затем присутствовать на казни надлежало Амацию, то толику их стыда, получается, нес на себе и он, а отсюда, понятно, углями тлеющая в глазах ненависть, с которой легат полоснул взглядом Макрона с Катонем, прежде чем грохнуть на выходе дверью.

С минуту висело молчание, после чего Макрон в знак признательности преклонил перед Кассием Лонгином голову.

– Благодарю, проконсул. Это было верное решение.

– В ваших словах я не нуждаюсь, – бросил Лонгин.

– Прошу простить. Но все равно спасибо. – Макрон помолчал. – Что-нибудь... еще?

– Больше ничего. Просто позаботьтесь, чтобы в будущем этого больше не повторилось.

Вы вдвоем мне уже изрядно надоели своим вмешательством в мои дела здесь, в Сирии. Если б не парфяне, я бы уже от вас избавился. Вы бы сейчас уже давно ехали обратно в Рим, очно отчитываться перед тем змеем Нарциссом. Ну а пока... Мне нужен каждый меч, который я только смогу выставить против парфян. Победа моя была бы неоспорима, располагай я теми подкреплениями, которые запрашивал. Но у меня против них всего три легиона да горстка вспомогательных частей. Расклад незавидный. – Лонгин холодно улыбнулся. – Тем больше будет славы, если я преуспею. Ну а если нет, то для меня будет небольшим утешением сознавать, что вместе со мной примете смерть и вы оба.

Интересно, откуда такой перепад настроения от еще недавнего победного ухарства в обращении к офицерству. И тут Катон понял: все это многолетняя выучка римской аристократии – безукоризненно сыгранный спектакль с целью захвата публики, несмотря на собственные сомнения в деле, которое желаешь возложить на алтарь. Таков и Лонгин: ишь какой велеречивый. Пожалуй, лишь одного Катона не захлестнуло волной его риторики. Макрон и тот, даром что в курсе насчет политической двойственности проконсула, но все же минутно пошел на поводу у пресловутой «силы и чести».

– А теперь оставьте меня, – скомандовал Лонгин. – Ступайте и займитесь подготовкой экзекуции.

Он вяло махнул на дверь. Макрон с Катонем встали навтыжку, отсалютовали и, дружно развернувшись, зашагали в ногу, оставляя римского проконсула Сирии одиноко восседать в опустевшем триклинии¹³, приспособленном под публичные мероприятия.

В сероватом предрассветном сумраке люди Второй Иллирийской тревожно вскидывались в своих палатках под окриками оптионов и центурионов. Меж палаточными рядами взад-вперед размашисто шагали офицеры, откидывая полы и грубо подгоняя разбуженных. Торопливо натягивая туники и кольчуги, шнуруя калиги, солдаты выбирались на предутреннюю прохладу, где нахлобучивали шлемы с кожаным исподом и застегивали нащечники. В последнюю очередь они подхватывали щиты и копья, после чего занимали место перед палатками в построении центурий. Кавалерийские турмы с более длинными мечами и копьями выстраивались с флангов. Для участия в ритуале экзекуции кони были им не нужны, а потому животные оставались в общей коновязи, мирно жуя из торб ячмень, поданный конюшими сразу с подъемом.

Макрон, а чуть позади него Катон шли вдоль строя, оглядывая своих людей. Казнь Криспа должна была смотреться достаточно парадно. Легионер хотя и был приговорен к смерти

¹³ Триклиний – пиршественный зал.

как убийца, но все равно оставался солдатом, и даже при смерти ему полагались определенные почести. Даром что человек, которого он убил, был одним из их товарищей, Вторая Иллирийская отдавала Криспу честь как собрату, переходящему из этого мира в мир теней. Каждый из стоящих в строю поработал над тем, чтобы иметь подобающий вид: все шлемы накануне надраены; блестят и шишаки на щитах, и узорчатые пряжки на ножнах. Своих воинов Макрон оглядывал с взыскательной гордостью. Нет и не надо лучшего подразделения, чем то, которым он командует сейчас; ничем не уступит оно легиону (мнение, которое он с ворчливой приязненностью держал при себе). Хотя на людях он бы такого, понятно, не произнес. Кровь, пролитая им во Втором легионе, товарищи, потерянные за годы, – все это вытравило на сердце святую любовь к «орлам», которой Макрон оставался верен.

Обойдя весь строй, Макрон обернулся к Катону как к офицеру, ответственному за построение людей на смотре, а также за многочисленные нюансы лагерного управления.

– Превосходный строй, центурион! – поставленным командирским голосом одобрил Макрон – громогласно, чтобы было слышно по всей когорте. – Преторианская гвардия и та едва ли смотрелась бы лучше!

Казалось бы, не более чем дежурная похвала для поднятия духа (в момент своего рева Макрон подмигнул Катону). Но как известно, даже такой поверхностный отзыв оказывает свое благодетельное действие, и после него люди на протяжении дня чувствуют себя приподнято (по крайней мере, до проведения казни, невесело подумалось Катону). Смысл наказания он вполне понимал, но все равно некая его часть испытывала сильнейшую неприязнь при мысли, что человека подвергнут жестокой смерти. В отличие от Макрона, Катон не очень жаловал кровавые игрища, которые амбициозные властолюбцы устраивали в каждом, большом и малом, городе империи. Если человеку суждено умереть, то пусть уж он расстанется с жизнью при осуществлении какой-нибудь цели. Пускай бы и Крисп стоял в переднем ряду под натиском парфян. Так он, по крайней мере, мог бы умереть лицом к врагу, с мечом в руках, за честь Рима и собственное свое искупление в глазах товарищей.

Катон, по глазам уяснив намек Макрона, набрал в грудь воздуха и прокричал:

– Да, префект! Ни у кого нет сомнения, что Вторая Иллирийская – лучшая когорта на службе у императора! А ну-ка, – обратился он к солдатам, – гряньте об этом так, чтоб было слышно!

Строй издал оглушительный рев и загрохотал по своим щитам копьями – пару секунд, не дольше, – после чего так же дружно смолк. Внезапная тишина заставила Макрона от удовольствия крикнуть.

– Ах молодцы, центурион! До чего же люто! Уж не знаю, как поведут себя парфяне, а я от этого рева точно обделался!

Катон и многие в строю произвольно заулыбались. Затем Макрон поднял свой витой жезл, снова привлекая к себе внимание.

– Центурион, вывести когорту!

– Слушаю! – Катон сделал еще один глубокий вдох: – Вторая Иллирийская, направо!

Десять центурий пехоты и состав кавалерийской алы подняли копья на плечи и сделали поворот на месте. Макрон с Катоном подошли и заняли во главе колонны свои места, перед сигнумом когорты и двумя буцинаторами с их изогнутыми медными инструментами. Секунду помедлив, Макрон отдал приказ:

– Вперед!

С ритмичным похрустыванием шипованных калиг когорты замаршировала к лагерным воротам и дальше, в сторону плаца. В дальнем его конце располагался участок, предназна-

ченный для экзекуции: двойная череда столбов в шести локтях¹⁴ друг от друга, с дорожкой между ними. Макрон провел иллирийцев по пыльному плацу и скомандовал остановиться.

– Центурион Катон, выстроить людей по трем сторонам участка.

– Слушаю!

Катон отсалютовал и направился выполнять указание. Макрон занял место в торце, со стороны, не занятой когортой. Как раз когда П-образное построение вокруг места казни было завершено, стало видно, как из лагеря выходит небольшая колонна людей в красных туниках и направляется в сторону плаца. Посередине колонны между двумя караульными влачилась согбенная фигура в кандалах. Остальная колонна несла на плечах толстые деревянные балясины со склада. Позади процессии ехали верхом проконсул и легат Десятого. С их приближением Макрон скомандовал когорте встать навывтяжку, а когда Лонгин остановил коня, то взять на караул. Амаций проследил, чтобы его легионеры встали на местах – по одному у каждого столба, – в то время как Криспа отвели в конец площадки. Когда все заняли места, над плацем повисла тишина, в которой Лонгин воздел руку.

– Властью, данной мне императором, сенатом и римским народом, утверждаю смертный приговор, вынесенный Криспу. Есть ли у осужденного какое-нибудь последнее слово, прежде чем приговор будет приведен в исполнение?

Он обернулся к Криспу. Легионер лишь тяжело, с присвистом дышал и, трясаясь в крошечном ужасе, смотрел на два ряда своих товарищей. Но вот слова проконсула просочились через его страх, и он умоляюще воззрелся на Лонгина.

– Господин проконсул, молю! Пощадите меня, это была случайность! Клянусь богами! – Ноги под ним подогнулись, и он рухнул в пыль. – Сохраните мне жизнь!

Лонгин бесстрастно кивнул Амацию:

– Приступайте.

– Встать! – процедил легат, подходя к Криспу.

Отведя глаза от проконсула, тот бросился в ноги своему легату.

– Господин легат, проявите жалость! Я хороший солдат! Вы знаете мой послужной список. Пощадите меня! Вы не можете так поступить!

– Встань! – выкрикнул Амаций. – Или из-за страха ты потерял и стыд? Неужто так, по-твоему, легионер Десятого должен встречать смерть? Поднимись. – С сердитым взмахом ноги он пнул осужденного в ребра.

– А-а! – простонал Крисп, хватаясь за бок. Амаций за руку грубо вздернул его на ноги и протаскил в конец площадки, где его ждали товарищи, твердо сжимая в руках дубье. Над плацем возникла короткая пауза, нарушал которую лишь тихий скулеж Криспа. Затем Лонгин, кашлянув, взмахнул рукой:

– Исполнять приговор!

Толкнув Криспа вперед, легат угрожающе вынул меч. Легионер врылся пятками и пробовал пятиться, но получил от Амация злой укол в спину. Крисп с визгом замер: впереди две линии его товарищей принялись размахивать дубинами.

За всеми этими процедурами Катон наблюдал с тошнотным чувством.

– А есть шанс, – шепотом спросил он у Макрона, – что к тому концу он все-таки проберется?

– Шанс есть всегда, – лаконично ответил друг.

– А ты видел, чтобы кому-нибудь это удавалось?

– Нет.

Амаций изготовил меч для еще одного укола, а Крисп, оглядываясь через плечо, завершал.

¹⁴ Около 2,5 м. Локоть в Риме равнялся 44,4 см.

– Пошел вперед! – гневно крикнул Амаций. – Ты уже и так осрамил нас хуже некуда.

На Криспа, видимо, нашел дух куража и противостояния: он внезапно метнулся вперед, по роковой дорожке между столбами. На бегу он низко пригибался, от чего удары первых двух экзекуторов просвистели мимо; то же самое и со второй парой. Но уже в третьей один легионер успел вскользь ударить осужденного по плечу. Криспа шатнуло вбок, прямо на дубину следующего, которая наотмашь хряснула по его бедру. Крисп вскрикнул от боли, но тем не менее прорвался к следующей паре. Там первый рубанул его по предплечью, а второй резко ударил по ребрам, заставив Криспа болезненно ахнуть. Теперь он уже не бежал, а ковылял под градом ударов, оставив за собой не больше четверти пути. Очередной удар, пониже других, разбил ему голень, и Крисп с воплем повалился наземь. Близстоящий легионер с размаха сокрушил ему челюсть. На песок брызнули кровь и зубы, и Крисп, свернувшись на боку клубком, укрыл ушибленную голову руками. Ближние легионеры поглядели сначала на него, затем вопросительно на своего легата.

– Кончайте его! – Амаций властно уставил вниз большой палец. – Кончайте!

Легионеры сомкнулись вокруг поверженного; с расстояния было видно, как в бешеном граде ударов взлетают и падают дубины. Вместе с тем как балясины, уже обагренные, безжалостно месили Криспа, в воздух взметались кровавые брызги. Хорошо хоть, что спустя первые несколько секунд забиваемый уже перестал издавать звуки. Амаций позволял своим людям длить экзекуцию, казалось, целую вечность. Все это время остальные свидетели стояли и взирали в бесстрастном молчании.

Наконец Амаций велел казнь прекратить, и заляпанные кровью легионеры, отдуваясь, расступились. На сыром, в лужицах крови песке лежало едва узнаваемое нечто, что когда-то было человеком. Все его конечности были переломаны, а череп разбит в серо-лиловую кашу из мозгов и осколков кости. Катон сглотнул комок из желчи и предпочел отвернуться от этого зрелища, глядя вверх через плац. Там его взгляд ухватил какое-то отдаленное движение; прищурившись, Катон увидел верхового, скачущего из-за угла крепости напрямик к плацу и месту казни, где сейчас стояла Вторая Иллирийская. При стуке копыт офицеры и солдаты, будто очнувшись, стали оборачиваться в сторону всадника.

– Что-то стряслось, – пробормотал Макрон при виде грязной повязки на голове скачущего.

Тем временем всадник подлетел и в снопе грязи с гравием поднял, осаживая, коня на дыбы. Салютнув, он тотчас полез под тунику, что-то там нащупывая.

– Кто ты, Аид тебя возьми? – сердито осведомился Лонгин.

– Трибун Гай Кариний, – всадник облизнул пересохшие губы, – послан от Шестого легиона. Скачу от самой Пальмиры. – Наконец он нашарил то, что искал под туникой – воше-ную дощечку, – и на отлете протянул ее проконсулу. – Сообщение от Луция Семпрония, посланника в Пальмире.

Лонгин взял дощечку.

– Что, собственно, случилось? – посмотрел он на гонца.

Всадник мучительно сглотнул, все еще не до конца отдышавшись.

– В Пальмире мятеж, проконсул. Парфянские приспешники. Хотят низложить правителя и разорвать договор с Римом.

Глава 6

Трибун вожаделенно раскинулся на одном из складных стульев, расставленных дугой в кабинете проконсула; сидел и оглядывал прочих офицеров, созванных сюда по приказу Кассия Лонгина. Наряду с Амацием и командирами всех вспомогательных когорт лагеря здесь были также Макрон с Катонем (последний своим приглашением был не на шутку озадачен).

Лонгин жестом указал на трибуна, еще не успевшего отряхнуть пыль своей изнурительной скачки. Он едва успел подкрепиться, когда в резиденцию проконсула спешно стянулись офицеры.

– Кариний, просим. Расскажите им о том, что поведали мне, пока мы тут ждали.

Кариний, откашлявшись, кивнул.

– Пять дней назад младший сын правителя Вабата, князь Артакс, заявил при дворе, что наследует трон своего отца. – Губы трибуна тронула улыбка. – Беда в том, что Артакс из троих сыновей самый младший, а потому наследовать трон ему мешают двое старших. При этом первому сыну, Амету, недостает в политике прозорливости, а второй, Балт, все свои дни проводит в охоте, пирах и утехах с женщинами. Артакс определенно мозг семьи, но одновременно и самая большая угроза Риму. В детстве его отослали на обучение к парфянскому двору. И похоже, где-то там в этом своем обучении он выучился страстно ненавидеть Рим и многих из пальмирской знати пропитал своими убеждениями.

– Понятно, – кивнул Амаций. – Но, разумеется, правитель не потерпит такого вызова своему могуществу?

Лонгин аккуратно постучал по столу вошеной дощечкой от римского квестора, состоящего при дворе правителя Вабата в качестве римского посланника.

– Правитель стар. А Артакс его любимый сын. И единственное, что стоит на пути у этой любви, – лояльность к Риму. Но кто знает, куда заведет эта лояльность при нынешнем положении? Семпроний говорит, что Термон, старший при дворе, действует от его имени. Он, хвала Юпитеру, хотя бы зависим. Так что свою мзду за покой он получает от нас вполне заслуженно. Так вот, по словам посланника, этот самый Артакс затребовал венец правителя себе, причем в одночасье. Мало того, он сумел переманить на свою сторону одного из военачальников правителя, и в его распоряжении теперь без малого тысяча воинов. Термон же мог рассчитывать лишь на начальника стражи и на тех вельмож, что сохранили правителю верность. Ну и, понятно, на Семпрония с его свитой. Они все отступили в цитадель, вместе с правителем и старшим его сыном.

– А средний где, который охотник? – поинтересовался Катон. – Что случилось с ним?

– Да, действительно? – посмотрел на трибуна Лонгин.

– Когда Артакс сделал этот выпад, Балт охотился на холмах к северу. На тот момент как квестор послал меня к вам, от него еще не было никаких известий.

– Плохо, – рассудил Макрон. – Он бы нам сейчас как раз пригодился.

– Я бы так утверждать не стал, – заметил трибун. – Балт любовью к Риму не пылает. Хорошо еще, что парфян он ненавидит, а нас только недолюбливает.

Макрон слегка накренил голову:

– Я насчет того, что враг моего врага... ну и так далее. Сгодиться он бы нам, пожалуй, все-таки мог.

– Может быть, – не стал спорить Лонгин. – Но используем мы его лишь тогда, когда в этом действительно будет необходимость. А то не хватало еще Риму устранить одну угрозу лишь для того, чтобы на ее место насадить другую... Итак, на сегодня нам известно, что правитель и его сторонники заперлись в цитадели Пальмиры. По описанию Семпрония, там у них есть достаточный запас воды и пищи, и если только у Артакса не окажется в нали-

чии осадных приспособлений, цитадель они могут какое-то время удерживать. Разумеется, можно предположить, что нашим друзьям парфянам о намерениях Артакса было известно уже заранее, – а если и нет, то эта весть долетит до них в считанные дни после того, как она достигла нас. Поэтому при наилучшем раскладе у нас есть уместный повод начать действовать. Мы должны выслать правителю Вабату помощь.

– Но проконсул, – качнул головой Амаций, – армия не готова. Два других легиона еще даже не снялись со своих лагерей. Десятый и тот пока не готов выступить. Многие мои люди в отпусках и разъездах, так что комплектование легиона займет еще несколько дней. То же самое и с большинством вспомогательных когорт. Некоторые из них еще только что прибыли.

– Ничего, – заносчиво поглядел Лонгин. – Есть у нас одна когорта, вполне готовая к выходу. Вторая Иллирийская. Я верно говорю, префект?

Макрон, слегка опешив от неожиданности, тем не менее с кивком подался вперед на стуле.

– Мои рубаки могли бы выйти на марш хоть через час, проконсул. Если так и поступить, то у Пальмиры мы могли бы оказаться уже через десять дней.

– Отрадно слышать. Вот так мы и поступим, – определился Лонгин. – Вторая Иллирийская выходит на Пальмиру сей же час, а остальная армия пока готовится выйти маршем. Остальные легионы подтягиваются следом сразу по мере готовности.

– Все это очень хорошо, проконсул, – учтиво вмешался Катон, – но что именно Второй Иллирийской надлежит делать, когда она подойдет к Пальмире? Нас будут превосходить числом, к тому же велика вероятность, что мятежники займут городские стены. Как и чем нам помочь тем, кто заперт в цитадели?

– Ваша задача их *подкреплять*, центурион. Помогите Вабату продержаться до подхода главных сил.

– Но, проконсул, даже если мы сумеем проникнуть в город, к цитадели нам придется прорываться по враждебным нам улицам.

– По всей видимости, именно так.

Катон в замешательстве смотрел на проконсула. Этот человек, видимо, понятия не имеет, чего ему надо от Второй Иллирийской.

– Центурион прав, проконсул, – пришел на помощь Макрон. – Это неосуществимо. Во всяком случае, силами одной когорты.

– А кто вам сказал, что я посылаю одну лишь Иллирийскую? – усмехнулся Лонгин. – Неужто я настолько глуп, Макрон? Я очень даже понимаю, какое это нелегкое задание. И посылать кого-то на самоубийство – нет уж, увольте. Рим посмотрит на это неблагоприятно. Так что вдобавок ко Второй Иллирийской я отряжаю когарту от Десятого легиона, заодно с ее конными разведчиками. В связи с гибелью в походе центуриона Кастора его когорте нужен новый командир. И мне подумалось, что нет на это место никого лучше Макрона. Он же возглавит и силы по снятию осады.

– Кто же поведет Вторую Иллирийскую? – растерялся Макрон.

Лонгин вельможным жестом указал на Катона.

– Ваш адъютант. Он будет префектом до окончания боевых действий.

– Этот? – поднял брови Амаций. – Но он слишком молод. Неопытен. Пускай Макрон остается во главе своих ауксилиариев, проконсул; я же подыщу на место Кастора офицера из своего легиона.

– Все, решение принято. Лучше Макрона претендента на эту должность я не вижу. Кроме того, у нас нет времени дискутировать. Когорта Кастора и Вторая Иллирийская собираются тотчас же. Таковы мои приказы, офицеры. Макрон, свои дальнейшие указания вы

получите через рассыльных, непосредственно перед выходом из лагеря. Остальным приказы поступят в должное время. Все, разойтись.

– Клянусь Поллуксом, как тебе это нравится? – шагая с Катонем по улице, Макрон негодующе ткнул большим пальцем в сторону резиденции проконсула. – Посылать наступательную колонну, и для чего? Чтобы спасти задницу старика правителя Пальмиры! Нет, я с такой чудовищной глупостью сталкиваюсь впервые.

– Так отчего ты об этом не сказал открыто?

Макрон остро глянул на друга:

– Мы не ведем политику, Катон, мы лишь исполняем приказы. Кроме того, задача в общем-то посильная. Если только суметь как-то пробраться к цитадели.

– *Если*, – горько усмехнулся Катон. – То-то и оно, что – *если*.

Помолчав с минуту, Макрон издал короткий смешок.

– Нет, а как он все-таки выразился – ты слышал, Катон? Если, мол, кто-то и сможет с этим справиться, так это только я. А? *Лучший претендент на должность* – он так, кажется, сказал?

– И ты поверил?

– Если б оно и вправду так, то было бы неплохо. – Макрон поджал губы. – А что? Может, Лонгин действительно так считает.

– Может, – блекло отозвался Катон. – А может, считает, что это для него прекрасная возможность от нас избавиться.

– Да ну?

– Право, впору восхититься его сметливости, – продолжал мысль Катон. – Было б легко обречь нас на смерть, просто отрядив на Пальмиру одну Иллирийскую. Но он прав: Нарцисс моментально его раскусит. Намеренное уничтожение двух его соглядатаев в Сирии – а значит, подозрения насчет Лонгина обоснованны. Тут же он сможет возразить: дескать, колонну он выслал достаточно сильную. Кто в Риме усомнится, что с задачей не совладеет когорта легионеров? Если дело выгорит, он пожнет все плоды за свою быстроту и решительность. Если нет, вина падет на нас – дескать, могли, да не справились. И то если мы уцелеем. Ну а если нет, то наша гибель лишь добавит ему оснований для запрашивания подкреплений, чего он и так уже давно добивается... Да, в проницательности этому Лонгину точно не откажешь.

Макрон неожиданно остановился.

– Катон, – сказал он другу, – ты в самом деле это сейчас придумал?

– А что, – спросил встречно Катон, – разве это, по-твоему, лишено оснований?

– Ну а по-твоему? – вздохнул Макрон устало. – Неужели не может быть так, что проконсул на самом деле верит в удачу этого предприятия? Что сила у нас по прибытии окажется достаточной для того, чтобы выручить правителя и продержаться до подхода легионов?

– При условии, что Лонгин с его легионами подспеют вовремя для нашего спасения.

– Цербер тебя разорви, Катон! – вспыхнул Макрон. – Почему тебе везде чудится заговор? Почему ты полагаешь, что любой чином выше центуриона метит в императоры?

На них уже поглядывали уличные прохожие, и Катон тихо шикнул:

– Да будет тебе!

– Что – *будет*! Или кто-то сообщит о нас шпионам Нарцисса? Да мы же и есть те шпионы, Катон! Поэтому говорить я могу все, что мне, язви его, вздумается. Почему ты считаешь, что в римском сенате решительно все участвуют в заговоре?

– А откуда ты знаешь, да или нет?

– Ой, да брось ты! – Макрон рассерженно махнул рукой и зашагал дальше. – Нет у нас на это времени. Идем уже.

Они шли в молчании, которое минуту спустя нарушил щелчком пальцев сам же Макрон:

– Ну а что бы ты сказал о Веспасиане?

Катону вспомнился легат, под которым они служили во Втором легионе при походе в Британию. Род Веспасианов тогда только поднялся до сенаторского чина, так что легат бесспорно знал толк в людях, которыми командовал.

– Ну, так что скажешь? – допытывался друг. – Ведь прям был, как скала, ни перед кем не гнулся. Солдат до мозга костей. Ни унции политиканства. А?

Подумав, Катон покачал головой:

– Все равно аристократ, как и все они. Ох уж эта политика: они вскормлены ее грудью. Но с тобой я согласен. Веспасиан был человек на вид прямой. Но и то я бы не удивился, если б он взял и в конце что-нибудь выкинул.

Макрон насмешливо фыркнул, и дальше их быстрый путь к лагерю проходил уже в тишине.

Сразу по прибытии Макрон созвал своих центурионов и обрисовал им положение, а также подтвердил временное назначение Катона префектом.

– Увидимся на дороге за лагерем, – подмигнул он другу. – Идти всем налегке; оружия и снаряжения по минимуму. Рацион пусть едет следом на легких повозках.

– Слушаю. Понимаю: только все самое необходимое, остальное вдогонку.

– Что ж, тогда все, – подытожил Макрон, приобнимая Катона за плечо. – Пора мне воссоединиться с «орлами».

Своего подчиненного он оставил за распоряжениями насчет выхода из лагеря, а сам отправился в Десятый легион принимать командование когортой Кастора. У штабной палатки его дожидался рассыльный от проконсула: чувствуется, от резиденции Лонгина он бежал во всю прыть и сейчас, подавая опечатанную дощечку Макрону, тяжело переводил дух.

– Поздравляю со вступлением в должность... а также прошу принять указания верховного!

Макрон коротко кивнул и вошел в палатку. Там за столами сидели двое ветеранов, с появлением офицера тут же сделавшие вид, что заняты по уши.

– Ты, – с ходу указал Макрон ближайшему из них, – созови мне офицеров, пусть явятся не мешкая. Скажи им, что у когорты теперь новый командир. А ты, – обратился он ко второму, – оповести их оптионов и скажи, чтобы они готовили людей к трудному походу, – он улыбнулся, – и еще более трудной битве!

Как только когорта построилась, Катон устроил подробный осмотр каждой центурии. В адъютанты себе он взял центуриона Пармениона, самого старого и опытного из вспомогательных офицеров, который сейчас шагал за ним следом с дощечкой и стилусом, готовый записывать за командиром. Забавно: еще нынче утром Катон сам состоял у Пармениона в подчинении, а потому чувствовал все неудобства, связанные со своей заменой. Но это было ничто в сравнении с грузом ответственности, что лег теперь на плечи самого Катона. Свыше восьмисот человек смотрели на него из строя, и все они будут выносить суждение, так или иначе сравнивая его с Макроном. Что и говорить, планка высокая: хватило бы росту. Хотя и свеженазначенным, стремящимся утвердиться новичком Катона назвать было нельзя: в когорте он служил почти год, со многими из этих людей ему доводилось воевать плечом к плечу. Так что знают его здесь неплохо и в целом признают. Но мерить они его теперь будут иным лекалом и приглядываться с большей взыскательностью: как-никак, он теперь пусть временный, но все же префект когорты.

Взгляд Катона заметил солдата в передней шеренге, который чуть заметно покачивался. Ускорив шаг, Катон внезапно остановился перед ним.

– Имя?

Солдат, возрастом явно превосходящий Катона (он опознал в нем одного из новых Макроновых рекрутов), как мог, застыл навтыжку и затаил дыхание, но его все равно выдавал запах перегара от дешевого вина.

– Публий Гален, господин префект.

– Сдается мне, Гален, что ты не вполне трезв.

– Да разве можно, господин префект...

– Тебе известно, что нахождение на службе в нетрезвом виде карается?

– Известно, господин префект.

– В таком случае даю тебе три наряда вне очереди и десятидневный вычет из жалования.

– Несправедливо, господин префект, – обиженно протянул Гален. – Час назад я на службе уже и не значился – ни я, ни ребята. Нам как раз свободный вечерок в городе выпадал, ну я и решил приложиться немного загодя – а то эти корчмари знаете какие плуты, – а тут нас всех сдернули по тревоге... Ну и, в общем, – он виновато покосился на Катона, – короче, мы все здесь.

– А где ж еще.

Катон, подумав, хотел было отменить наказание. В словах Галена был определенный смысл: вряд ли его можно было винить за превратности военного уклада. Но, опять же, слово сказано, а менять его значило бы проявить нерешительность. К тому же неизвестно, как повел бы себя в данном случае Макрон. Хотя можно предугадать.

– Парменион, – вынес решение Катон, – пометить: наряды и штраф. Нахождение на службе в пьяном виде недопустимо, какими бы ни были обстоятельства.

– Но ведь несправедливо, господин префект, – воззвал нетвердо Гален.

– А за пререкания, – повторно обратился к центуриону Катон, – добавить десять ночей сдвоенной вахты в карауле.

У Галена отвисла челюсть, но он вовремя опомнился и захлопнул рот, в то время как Парменион проворными движениями стилуса помечал на вощенной дощечке. Катон двинулся дальше. В целом осмотром он оказался доволен: каждый человек, согласно приказу, имел при себе лишь самое необходимое снаряжение и припас. Затем он сел на лошадь, которую держал для него под уздцы ординарец, и рысью поскакал в голову колонны.

– Вторая Иллирийская! – воззвал он, на миг приостановившись впитать упоение моментом: вот он ныне, префект Катон, ведет своих людей на войну. – Вперед!

Вспомогательная когорта начала вытягиваться из лагерных ворот, направляясь в сторону дороги, ведущей на Пальмиру. Еще не минул полдень, а солнце уже безжалостно опалило иссушенную землю и летучая знойная пыль взметалась из-под шипованных солдатских калиг и конских копыт, зависая в воздухе подобием белесого тумана.

Когда колонна повернула за угол укрепления, стало видно, что когорта Макрона уже ждет на дороге в полном построении. Покуда иллирийцы подтягивались, Макрон на коне подскочил к Катону и поднял в приветствии руку.

– Отчего так долго?

Катон с добродушной улыбкой ответил:

– Да вот, пока собрались...

На такой тон Макрон отреагировал хмуростью, и сразу стало ясно: он вновь воин до мозга костей, готовящийся к бою.

– Прошу прощения. Больше вас не подведем.

– Смотри. – Макрон, повернувшись, кивком указал на вьющуюся впереди дорогу. – Нам предстоит самый трудный переход, а по окончании его еще и бой, Катон. А потому не обманись: это будет самая жестокая кампания из всех, какие мы только знали.

Глава 7

Свои две когорты Макрон вел безостановочным темпом, все дальше и дальше удаляясь по выжженным холмам на восток от Антиохии. Днем колонну стегало своим безжалостным зноем солнце, а к ночи температура падала так, что люди жались поближе к кострам, где вяло нажевывали вяленое мясо и сухари. В первый вечер солдаты роптали, что спать им приходится под открытым небом, а после неудобного ночлега их уже снова ждал путь под еще не успевшими истаять в бархатной вышине звездами. Первые два дня короткий привал делался только в полдень и тогда, когда колонна останавливалась, уже не видя света, а люди были измотаны настолько, что на нехватку палаток и не сетовали. Довольствовались уже тем, что не выходя из рядов скидывали снаряжение и сворачивались на земле, тут же засыпая. На ночной караул будили друг друга сами, по очереди.

В приказах Лонгина подчеркивалась важность скорости. Людям Макрона приходилось маршировать по много часов кряду, не обустроявая под конец дня походного лагеря. Как солдат с недюжинным боевым опытом, Макрон крайне отрицательно относился к необходимости поступаться безопасностью ради проворства. Для того чтобы как-то компенсировать отсутствие рвов и валов, он на ночь выставлял двойные караулы, пешие и конные. Бремя усиленных вахтенных обязанностей вкупе с изнурительными дневными переходами привело к тому, что уже на третьи сутки небольшая группа людей начала отставать, настигая основную часть лишь к позднему вечеру.

– Дальше будет только хуже, – пробурчал Катон, различая темные фигуры в густеющем сумраке, шаткой поступью бредущие по каменистой земле в поисках своих подразделений. – Через день-другой они уже не смогут нас настигать. Растянутся по всему ходу движения. Легкая добыча и для врага, и для разбойников.

– Ничего не поделаешь, – заметил Макрон с зевком, приспосабливая под голову седельную суму и укрываясь тяжелым военным плащом. – Бездельники, они есть во всякой когорте. Еще несколько дней, и мы их всех выведем на чистую воду.

– Бездельники? – Катон покачал головой. – Я видел, как из колонны сегодня выбывает и кое-кто из вполне приличных солдат. Если мы будем держать эдакий темп, то те, кто дойдет до самой Пальмиры, будут уже не в состоянии драться.

– Драться? – живо переспросил Макрон. – Драться-то они будут. Драться или погибать.

– Мне бы твой оптимизм.

Макрон обернулся к Катону; в зыбком свете звезд на его губах играла ироническая усмешка.

– Что? Что тут такого смешного?

– Кто тебе сказал, что я оптимист? Просто я говорю все как есть. Как оно всегда обстоит и обстоит с солдатом в походе. Ты считаешь, нам было тогда трудно в Британии? Так вот, в сравнении с пустыней это было прогулкой по форуму. Здешняя земля для нас ничуть не меньшая опасность, чем сам враг. Когда доберемся до Халкиды, до Пальмиры нам оттуда все еще предстоит идти больше сотни миль. – Макрон перевернулся на спину и подsunул под голову руку. – Так что эта часть пути еще легкая. Подожди, когда мы выйдем в открытую пустыню. Вот там-то и у тебя и у людей оснований для жалоб ох как прибавится. В дороге, по сведениям от проконсула, нет почти никакой воды. Людям при выходе из Халкиды предстоит нести на себе запас воды на пять или шесть суток. Понятия не имею, в каком состоянии они прибудут в Пальмиру. Но одно я знаю наверняка: там их ждет бой не на жизнь, а на смерть.

– Тогда, может, не мешало бы дать им перед сражением хоть какой-нибудь отдых? – предложил Катон. – Эти сдвоенные караулы не несут ничего хорошего. А от Пальмиры мы еще далеко.

– Катон, ты видел, с какой легкостью этот парфянский царевич со своим отрядом просочился через наши заставы и оказался на самом пороге у консула? – Макрон ткнул пальцем на горизонт. – Кто возьмется сказать, что они сейчас не наблюдают за нами оттуда? Ждут подходящего момента, чтоб напасть. Лично я так рисковать не стал бы. Мне думается, – сказал он, – нам бы не мешало с завтрашнего дня перестать зажигать костры. А вдруг там враг? Пусть уж лучше мои люди будут продрогшими и усталыми, чем мертвыми. Кроме того, – он протяжно зевнул, – у нас есть и другие сиюминутные трудности.

– Это какие же?

– А вот какие. Офицеры и солдаты моей когорты что-то не очень довольны моим назначением их новым командиром. Мало того что казнен их сослуживец Крисп, так им в начальники еще и суют бывшего командира того убитого солдата, из-за которого весь сыр-бор. Эдакая пощечина. Напрашивается мысль, уж не специально ли проконсул озаботился подкинуть нам хлопот на дорожку.

– Я бы не удивился, – устало вздохнул Катон. – Еще один проворот ножа. Так что именно поговаривают твои парни?

– В лицо – ничего. Тут скорее тон голоса и то, с каким недовольно-кислым видом они держатся, когда я нахожусь поблизости. Само собой, на их чувства мне плюнуть и растереть. Лишь бы только выполняли то, что я им говорю. Но все равно, надо смотреть в оба за тем, чтобы ничего не стряслось между легионерами и вспомогательными. Не хватало еще, чтобы они глядели себе за спину вместо того, чтобы глядеть на врага.

– Вот уж точно.

Катон напоследок еще раз оглядел лагерь, после чего улегся и повернулся, устраиваясь под плащом поудобнее. Несмотря на дневную жару, ночи были холодные, знобкие. Поскорее бы заснуть, если получится.

– Макрон?

– М-м? – сонно протянул его товарищ. – Ну, чего тебе?

– А какие у тебя планы, когда мы подойдем к Пальмире?

– Планы? – не сразу ответил Макрон. – Насчет этого Лонгин особой ясности не внес. Ну, прорваться к цитадели и удерживать ее до его подхода.

– Это если Артакс со своими ее еще не взял.

– Ну да.

– А если взял?

– Тогда мы считай что попали. Вода у нас к той поре уже закончится, так что отступить будет и некуда, и незачем. Придется или брать Пальмиру своими силами, или сдаваться, – Макрон хмыкнул. – Все как всегда. Смерть или бесчестье. Хорош выбор, да?

– Ох и хорош, – тихо согласился Катон.

– Но ничего не поделаешь, – заключил Макрон. – А сейчас сделай одолжение, заткнись, пожалуйста, и давай поспим. Тут спать-то всего ничего.

Макрон повернулся к Катону спиной, уйдя своей кряжистой фигурой в плащ, как в кокон. Минута – и он уже заливисто храпел, вторя тихим голосам тех, кому не до сна, да отдельным всхрапываньям и ржанию у коновязи. Но сон к Катону не шел, а шли нелегкие мысли о теперешнем положении. В существующем раскладе проглядывало все больше минусов. И хотя шаг проконсула насчет помощи Пальмире можно понять, но уж больно это похоже на жест отчаяния. Правитель Вабат, возможно, уже мертв, а вместе с ним и посланник со своей мелкой свитой. Артакс, не исключено, уже сейчас утверждается на троне, кидая свое маленькое царство в жадные объятия Парфии. Если это произойдет, то хрупкое равновесие сил, что удерживало мир на востоке империи, пошатнется. Парфия сможет вывести свое быстрое громадное войско на самую границу с Сирией и оттуда угрожать римской территории от Армении до Египта. Император Клавдий будет вынужден укреплять свои восточ-

ные армии, что дастся ох какой немалой ценой: переброской легионов с Рейна, вдоль которого они уже и так вытянуты тонкой цепочкой. А иначе никак: или это, или отдать огромные пространства Парфии, да еще и вызвать гнев толпы и вспышку политического противостояния в Риме.

А ведь всего этого можно было избежать. Если б только Рим удовольствовался тем, что оставил Пальмиру буфером между двумя империями, то какой-никакой мир, глядишь, был бы сохранен. Но с того момента, как оказался подписан договор с Вабатом, столкновение с Парфией стало неминуемым. Катон ощутил прилив холодной ярости, представив себе политиканов Рима, жирующих в роскоши вдали от последствий своих интриг. Быть может, они сочли, что их виды на Пальмиру оправдывают риск спровоцировать парфян – эдакие беспечные игроки в кости: а ну как сvezet. Но здесь на границе эта ставка в игре измерялась жизнями людей, спящих сейчас в темноте. Людей, чья выносливость подвергается в эти дни непомерным испытаниям, и это даже до того, как им доведется сразиться с врагом. Если они победят, то во дворце Клавдия в Риме чуть сдвинется фигурка на символической карте империи. Если проиграют, фигурка будет небрежно сметена и выброшена.

Эта мысль вызвала у Катона горькую улыбку, и он проклял себя за эту свою всегдашнюю склонность рассматривать вещи в широкой трактовке. Какое-то время он не без зависти смотрел на силуэт спящего Макрона. Наконец, спустя уже изрядно времени после того, как умолкли все остальные солдаты, Катон забылся тревожным сном на холодной жесткой земле.

Назавтра колонна оставила холмы позади и вышла на покатуую пыльную равнину, по которой дорога вела в Халкиду. Несмотря на опасения Макрона, навстречу попадались лишь обычные торговые караваны, у которых солдаты по непомерно раздутым ценам торопливо покупали фрукты и вино. Все это время росло число отстающих, и к той поре, как колонна подошла к Халкиде, до которой от Антиохии добиралась три дня, Катон обратил внимание, что на утренней поверке Вторая Иллирийская недосчиталась восьмерых. Сейчас он сидел в прохваченной солнцем тени пальм, окаймляющих озерцо, на берегу которого располагался этот городок. Подобно прочим поселениям, основанным на древних торговых путях, Халкида процветала за счет налогов за проход караванов, и ее жители жили в завидном достатке. Однако к этой поре уже пронеслась весть о восстании в Пальмире и слух о столкновении Рима с Парфией, а потому горожане, собравшись в кучки, встревоженно поглядывали на марширующую воинскую колонну, которая пользовалась возможностью передохнуть, пополнить запас провианта и набрать в свободные меха воды из озера.

Их волнение можно было понять. Та уединенность, что делала мир столь выгодным для Халкиды, делала ее столь же уязвимой в войну, поскольку ввиду стратегической важности за нее будут бороться обе враждующие стороны. А значит, доход от торговли пойдет на спад, а самому городку предстоят нелегкие времена, ставящие под сомнение – страшно сказать – само его существование.

Катон сейчас был сосредоточен на своих отставших – сведения, занесенные на волшебную дощечку центурионом Парменионом.

– Ну вот, уже восемь. Это сколько же у нас еще отстанет к тому времени, как мы дойдем до Пальмиры?

– Мне выслать конную турму, чтобы подтянуть их, господин префект?

Катон, подумав, покачал головой:

– Если смогут, они нас найдут. Я же не хочу терять людей еще и за счет рассылки поисковых отрядов. Пометь их как находящихся в самовольной отлучке. Если не объявятся к утру, пометим как дезертиров.

– Слушаю. – Парменион корябнул на дощечке, и Катон молча смерил его взглядом, прежде чем тихим голосом заговорить:

– Как настроение у людей?

Парменион в ответ посмотрел на своего командира, затем огляделся убедиться, что вокруг никто не наушничает.

– Не так уж и плохо, – сказал он, – учитывая...

– Учитывая что?

Парменион неброско кивнул в сторону легионеров, расположившихся под пальмами невдалеке от людей и коней Второй Иллирийской.

– Вражда у них все еще сильная, после той передраги в Антиохии. И вот легионеры, язвы их, подначивают наших где надо и не надо. Вообще перед боем не надо так поступать.

– Кому, нам или людям Макрона?

– Да обоим. – Парменион с усталой задумчивостью поскреб щетину на подбородке. – А то, того и гляди, друг дружке в плотки вцепятся.

– Мы должны следить, чтобы такое ни в коем случае не произошло, – твердо сказал Катон. – Передай это всем остальным центурионам и оптионам. Допустить такого мы не можем. И если кто-нибудь затеет драку, накажу так, что мало не покажется. Доведи до всех, чтобы поняли.

– Слушаю.

– Вот и молодец, Парменион. Ступай.

Верный помощник не спеша собрал свои вощенные таблички, отсалютовал и пошагал к упряжкам с мулами, на которых везлись учетные записи когорты, сундук с казной и небольшой запас дополнительного оружия и рациона. Подразделение иллирийцев занималось укладкой бурдюков с водой и корзин с фруктами и вяленым мясом, закупленными на халкидском рынке. Глядя на людей, Катон некоторое время прикидывал, верно ли он рассчитал припасы на время перехода по пустыне к Пальмире. Подсчет дался нелегко. Из всех припасов, которыми командир обязан снабдить вверенных ему людей, самым сложным была вода – из-за веса, а также из-за свойства расплескиваться и незаметно вытекать. Если воды взять на повозки слишком много, это замедлит продвижение. А если мало, то, застрянь колонна в пути из-за песчаной бури или нападения врага, вода, не ровен час, закончится, и тогда люди будут мучиться от изнурительной, в безумие ввергающей жажды, какую способна вызывать безжалостная к страданиям пустыня.

Поймав краем глаза красноватое мелькание, Катон обернулся и увидел, что от городских ворот к колонне возвращается Макрон. На подходе к упряжкам он заметил Катона и повернул к нему.

– Не поднимайся! – поднял он ладонь, видя, что друг собирается, как положено, встать перед ним навытяжку. Через секунду он сам тяжело присел рядом на корточки и, ослабив пряжки на подбородке, со вздохом облегчения стянул с головы шлем.

– Что, так уж надо было? – кивком указал Катон. – В смысле, шлем?

– Однако и не мешало, – Макрон тыльной стороной ладони отер со лба пот. – Здесь в Халкиде наверняка может сидеть какой-нибудь недоумок с пращей и симпатией к парфянам. К чему головой рисковать?

– А и то... Есть какие-нибудь новости из Пальмиры?

С приходом колонны в Халкиду Макрон в порядке своего старшинства посетил здешний правящий совет.

– Новости есть, – подтвердил он, оглаживая себе колени. – На рассвете в город приехал греческий купец со своей семьей. Положение в Пальмире для нас не сказать чтобы выигрышное. Правитель с верными ему людьми все еще удерживает цитадель, в то время как Артакс завладел прилегающими улицами. При этом не все спешат к нему в услужение. В

городе начались грабежи и бесчинства. Потому-то купец и покинул насиженное место. У него две молодых дочери, так что шаг, вероятно, оправданный.

Катон отреагировал кивком.

– Он же дал мне примерную карту города, – продолжал Макрон, вынимая из-под панциря сплюснутый свиток папируса. Развернув, он придавил его углы к земле камнями; Катон нетерпеливо придвинулся, изучая взглядом схематичный набросок, сделанный явно в спешке и явно приблизительно, без каких-либо деталей. Изображены были лишь очертания стен и наиболее значимые районы.

– Н-да, не разгуляешься, – сказал Катон задумчиво.

– Хорошо, что пока есть хотя бы это. Тот греческий купец уж и так постарался. – Макрон поглядел со скудной улыбкой. – Пока ты не спросил: да, я дал ему понять, что нам нужен кто-нибудь знающий местность, а также не захотел бы он пойти к нам провожатым.

– И что он сказал?

– Что-то цветистое. Знаешь, сколь усердно я ни налегал последние месяцы на языки, тех его слов я толком так и не понял. Хотя в целом это был по сути отказ.

– Жаль.

– Тем не менее он описал мне кое-что на словах. – Макрон указал на приплюснутый полукруг стен Пальмиры. – Укрепления, по его словам, все в хорошем состоянии, так что в город придется проникать через ворота. Цитадель находится здесь, – он постучал по ряду черных квадратов на правой части карты.

– Если так, то мы можем обогнуть город и попасть в цитадель напрямую, – с надеждой заметил Катон.

– Свет мой, если б все было так легко. Цитадель стоит на невысоком скальном обрыве над стеной. Доступа туда нет. Есть только вход непосредственно из города. По словам купца, наилучший доступ в город для нас здесь, через ворота на восточной стороне Пальмиры. Здесь самый прямой путь к входу в цитадель.

– То есть надо будет подходить через улицы. – Катон покачал головой, прикидывая последствия. – И тогда при прорыве повстанцы смогут бить нас отовсюду – из всех щелей, с боков и крыш. А если прознают о нашем приближении заранее, так могут еще и устроить на пути заслон. Ну а если мы двинемся не в том направлении...

– Детали представить я и сам могу, спасибо, – резко отозвался Макрон. – Но пока это единственный план, который у нас есть. Хочешь – хули, хочешь – хвали.

Катон поднял брови – мол, деваться некуда.

– А больше твой купец ничего не сказал?

– Я и так вытянул из него все, что мог. Цитадель хорошо укреплена, а стража правителя якобы самый цвет войска. Один из них, дескать, стоит десятерых. Так, по крайней мере, утверждает этот грек. Хотя сам он отродясь меча не держал, так что к этим словам надо относиться с оговоркой. Есть, кстати, и кое-что для нас положительное. Осадные орудия Пальмиры хранятся во внутреннем дворе цитадели, так что Артаксу для штурма надобно создавать все самому с первого гвоздя. Что дает нам хотя бы некоторую фору во времени, ты не находишь?

– А какая вообще у Артакса численность сил? Об этом грек ничего не говорит?

– Войско, говорит, у Артакса великое, – с язвительной усмешкой сказал Макрон. – Убегая, купец видел лишь какую-то его часть. Так что он понятия не имеет – может, их там одна тысяча, а может, все десять. Но говорит, что Артакс во всеуслышание заявил: на помощь ему спешит парфянское войско, и когда оно подойдет, то все, кто в цитадели, и те, кто не присягнет ему на верность, примут смерть.

– А вот это, пожалуй, правда, – согласился по размышлении Катон. – Ведь Лонгин сделал ставку на силу в ту же минуту, как только осознал, что происходит. А потому и парфяне,

сомнений нет, ответят тем же. В таком случае, дело лишь за тем, на чью сторону первым делом встанет Пальмира.

– Ты буквально читаешь мои мысли, – кивнул Макрон, сворачивая карту. – Так что давай-ка, не теряя время, поднимать наших лежебок в дорогу.

В непродолжительном времени колонна была уже снова на марше, и люди, проходя вдоль берега озера, лишь с тоской провожали глазами его колеблющийся блеск. Времени им было отведено ровно столько, чтобы наполнить фляги и чуть передохнуть в тени пальм; лишь горстка использовала возможность окунуться в прохладу озера до того, как прогремела команда взнуздывать поклажу и строиться, покидая блаженную тень деревьев. Люд Халкиды какое-то время смотрел колонне вслед, после чего с тревожными мыслями о будущем стал расходиться по домам.

На той стороне озера дорога делала резкий поворот и через полосу орошаемых полей впадала в пустыню. Сердце опускалось при виде унылой бескрайности желтоватого песка и камня с серебристо мерцающей оторочкой жаркого воздуха на горизонте. Колонна шла под косматым полуденным солнцем, постепенно оставляя позади благодатную зелень пальм, указывающих на наличие озера; а вот уже и ее поглотили волны душного, как из печи, воздуха, задувающие, казалось, отовсюду.

Парменион, еще раз глянув напоследок через плечо, угрюмо проворчал Катону:

– До Пальмиры ходу еще дней пять, никак не меньше. Ну да ладно, только бы добраться: эти собаки-изменники заплатят мне за каждый шаг пути.

Глава 8

Каждый день начинался с одного и того же. Едва на горизонте начинало светлеть, как дежурный центурион каждой когорты будил остальных офицеров. Те в свою очередь проходили вдоль спящих в ряд людей с выкриками «Подъем! Становись!», поминутно приостанавливаясь толкнуть ногой того, кто замешкался. Люди, со стоном расправляя холодные затекшие конечности, отряхивали с себя налетевший за ночь песок и поднимались, прилаживали к раздвоенным на концах палкам свои походные сумы; из своего заплечного рациона наспех завтракали вяленным мясом и сухарями, запивая трапезу несколькими глотками воды. Центурионы с оптионами были в курсе насчет скудости ее запасов, а потому тщательно следили за нормой расхода, которую солдаты потребляли из своих фляг.

Как только люди разбирались по своим центуриям, следовала беглая переключка, и тогда Макрон отдавал приказ приступить к дневному переходу. Воздух под розоватым расцветным небом был пока еще недвижим и прохладен, и когорты ритмично шли, тяжелым хрустом шипованных калиг создавая фон неровному позвякиванию незакрепленного снаряжения и приглушенному разговору. Ранние утренние часы были для марша самыми удобными, и Макрон намеренно держал ритмичный темп, прежде чем пустыню начинала обдавать своим палящим дыханием дневная жара. До этой кампании Катон считал рассвет самым красивым временем суток. Теперь же, когда солнце всходило над горизонтом, заливая равнину исполинскими тенями, становление дня он уже скоро стал воспринимать как источник мучений.

Тени постепенно укорачивались, а свет вызревал в слепящее марево, под которым при ходьбе приходилось шуриться и опускать взгляд.

А зной все наливался, густел. Быстро вытесняя остатки прохладного воздуха, он окутывал уже обе когорты. Теперь и закаленный ветеран, и зеленый рекрут начинали равно ощущать гнетущую тяжесть своего снаряжения, вес вдавленной в плечи поклажи; лица застывали в суровые маски, ноги иноходью выставлялись одна перед другой; при этом изгонялась сама мысль о растянутой впереди протяженности дня. Солнце на небе взбиралось все выше и выше, и отсыревшие от пота плечи под туниками начинало немилосердно щипать и покалывать – ощущение, становящееся невыносимым на протяжении бескрайнего дня.

Когда солнце наконец достигало зенита, Макрон командовал – привал, и люди, с тягостными вздохами и стоном роняя с плеч ношу, валились и отпивали из фляг свою дневную порцию воды. Затем из щитов и плащей они как могли сооружали затенение и отдыхали до ухода полуденной жары, а затем следовал приказ возобновить движение. Поднимаясь на ноги, солдаты снова брали свою поклажу и выстраивались в колонну. Опять звучал приказ, и они на негнущихся от усталости ногах трогались и шли без перерыва весь остаток дня, пока солнце не скрывалось за горизонтом. Лишь с угасанием его света дневной переход заканчивался.

На исходе третьего после выхода из Халкиды дня Катон, выставив караулы, отправился доложить Макрону. У него на марше отстало еще несколько человек, а три кавалерийских лошади охромели. При обычных обстоятельствах животных бы забили, а мясо распределили на пищу между солдатами. Но при отсутствии походных лагерей Макрон запретил разводить и костры (да и костра-то толком не разведешь из той чахлой разлапистой поросли, что иногда попадалась у тропы), так что животных убили, а трупы – к вящей радости пустынных хищников – бросили сзади на пути.

Макрон стоял на небольшом отлогом холме, недалеко от своих людей, и сквозь сумерки озирали впереди окрестность. На шаги Катона он обернулся и, изобразив потрескавшимися губами улыбку, помахал рукой:

– Еще два дня, Катон, и это все закончится. Всего два дня.
– Оно и так должно закончиться, – уточнил Катон.
– Верно. Но с положением в Пальмире мы уж как-нибудь совладаем; главное сейчас хотя б добраться дотуда.

Чувствуя измотанность друга, Катон ограничился кивком:

– Конечно. Давай вначале просто доберемся.

Макрон, внимательно посмотрев, рассмеялся взволнованности в голосе Катона:

– Ты прямо как моя мать. Не волнуйся, со мною все в порядке. – Он продолжил оглядывать пустыню. – Я вот думаю: отчего кто-то горит желанием владеть этой землей? Ведь здесь сплошная пустыня.

– Пустыня, – согласился Катон, – но с городом, выгодно расположенным у оазиса на перекрестке торговых путей.

Макрон, поджав губы, медленно кивнул:

– А, ну да. Если рассуждать в этом ключе, то...

Внезапный всплеск гневных криков заставил их обоих обернуться к лагерю. Там вокруг повозки, где наполнялись фляги, скопилась группа людей. Из сумрака на крики выныривали еще люди.

– Песьи отпрыски! Опять что-то неладное, – отреагировал на перебранку Макрон. – Ну-ка, пойдём. А то шум такой, что по всей пустыне слышно.

Спустившись с холма, оба заспешили к повозке.

– А ну, прочь с дороги! – с максимально допустимой громкостью прикрикнул Макрон. В полутьме, да еще в людской сумятице, его алый гребень префекта различить было сложно. Катон, с силой схватив за руку, отпихнул с дороги какого-то солдата:

– Куда смотришь, остопоп! Пропустить верховного командира, живо!

Впереди в жестокой схватке барахталась горстка людей, тузя друг друга руками и ногами. Макрон, выхватив, махнул своим жезлом-витисом; тот, кому досталось, с криком отлетел, схватившись руками за голову.

– Прекратить сейчас же эту блажь! – выкрикнул Макрон, попутно врезав еще двоим охотникам помахать кулаками. – Я кому сказал!

Свара тут же прекратилась; драчуны расцепились, а Макрон твердо встал у повозки, гневно оглядывая самовольный сбор ауксилиариев и легионеров.

– Что здесь, Цербер вас сожри, происходит? Где опцион, отвечающий за раздачу воды?

– Здесь, господин, – с земли хмуро поднялся офицер-иллириец.

– Что все это значит? Доложить!

Опцион застыл навтыжку. Мелькнув глазами на окружающее сборище, он нервно сглотнул.

– Слушаю! Произошло недоразумение...

– Смею об этом догадываться! – желчно фыркнул Макрон. – Только в чем его суть?

Опцион понял, что за рядовое происшествие дело уже не сойдет, и повел дежурный бубнеж:

– Я находился при исполнении, заведовал раздачей воды. Первыми прибыли водовозы Второй Иллирийской, как раз перед парнями из Второго легиона. И вот как раз когда я начал розлив по флягам, в очередь врывается один из легионеров и требует, чтобы я обслужил вначале его сопалаточников, а уже потом моих парней. Вначале, мол, по правилам причитается легионерам, так что моим ребятам придется потесниться перед... ну, *настоящими* солдатами, как он сказал.

– Кто это сказал?

Опцион поглядел Макрону через плечо, но на легионера указать не успел: тот вышел сам.

– Это был я, господин префект.

Макрон, обернувшись, быстро его оглядел.

– Ты у нас кто?

– Децим Тадий, господин префект. Шестая центурия.

– Что дало тебе право так действовать, солдат?

– Как он сейчас и сказал, господин префект: легионы в походе всегда берут свою долю первыми.

– Это когда речь идет о военной добыче, Тадий, и ты это знаешь. А не о рации. И уж тем более не в нашем положении. Здесь каждый, куда я командую, получает свою причитающуюся ему долю. Будь он хоть иллириец, хоть легионер. – Макрон, сделав шаг, жезлом постучал Тадия по нагрудным пластинам. – Уяснил?

– Уяснил, господин префект.

– Вот и хорошо, потому что, если ты себя еще так проявишь, я выставлю тебя из моей когорты и определю служить во Второй Иллирийской. Уж там тебя кой-чему научат.

Тадий с уязвленным видом открыл было рот, но Макрон его перебил:

– Помолчи! А теперь всем – вы слышите, *всем* – встать и дожидаться воды в порядке очереди. Выполнять!

– Стой, – негромко скомандовал Катон Тадию в тот момент, как все начали расходиться. – Тадий, приказываю тебе задержаться.

– Что ты делаешь, Катон? – рыкнул Макрон. – Дело решено.

– Пока нет, господин старший префект. Этот человек ослушался приказа опциона. А это прямое нарушение артикула.

Макрон оглядел солдат: ближние, делая вид, что заняты своими делами, с тайным любопытством поглядывали. Макрон, придвинувшись, вполголоса сказал:

– Послушай, вопрос решен. Никто не пострадал. Нет смысла разжигать из-за этого страсти.

– Но и махнуть на это рукой мы тоже не можем. Он пререкался со старшим офицером перед свидетелями. Такое нельзя спустить. Этот человек должен быть наказан.

Макрон досадливо выдохнул:

– Послушай, Катон. У меня нет на это времени. У нас и без того хлопот полон рот, а тут еще забивать себе голову каким-то полевым наказанием...

– И тем не менее. Я настаиваю, чтобы этот легионер был наказан в соответствии с уложением.

Макрон раздраженно почесал бровь, после чего процедил:

– Что ж, будь по-твоему. – Он повернулся к Тадию и уже в полный голос звучно сказал:

– Легионер Тадий!

– Слушаю!

Макрон проворно думал. Штраф, наряды, порка? Здесь, в пустыне, они бессмысленны. В данных условиях приемлемо лишь одно наказание, причем такое, какое Тадий прочувствует до глубины души.

– Ты лишен суточного рациона воды. Возвратиться в свою когорту.

– Слушаю, – сглотнув, сквозь сжатые зубы произнес легионер.

Он отсалютовал, перекинул через плечо порожнюю флягу, развернулся и порывисто пошел прочь; в каждом его шаге читались скрытая ярость и чувство обиды.

– Продолжай, – кивнул Макрон опциону у повозки.

Когда скудные порции воды заструились в протянутые фляги, Макрон взглядом позвал Катона, и они вместе пошли от солдатской очереди. На достаточном, уже не на слуху, расстоянии Макрон остановился и свирепо воззрился на своего друга:

– Что это, Аид тебя поглотил, было?

– Дисциплина, господин старший префект.

– Перестань паясничать, когда рядом нет посторонних.

– Изволь, – кивнул Катон. – Я тебя не понимаю. С каких это пор ты вот так, запросто, отпускаешь с миром нарушителя? Да будь мы в лагере, у тебя этот Тадий сральни бы чистил до конца своих дней!

– Может быть, – не стал возражать Макрон. – Но мы не в лагере. И каждый день рискуем жизнями так, как еще, пожалуй, никогда. Тут у моих с твоими и так вражды хоть отбавляй – не хватало ее еще и разжигать!

– Моих с твоими? – повторил Катон. – Ты рассуждаешь так, будто мы даже не на одной стороне.

– Вот, понял? И если наши люди в походе вот так, по-вражьи, относятся друг к другу, то при встрече с настоящим врагом мы считай что пропали. Мелкая грызня для нас сейчас непозволительная роскошь.

– А как же быть с дисциплиной?

– Иногда приходится ею поступаться. Ты вот сейчас, похоже, о ней уже позаботился. – Макрон вздохнул. – И если день без воды Тадия не доконает, то ты считай что нажил врага на всю жизнь. Поздравляю.

Катон хотел что-то ответить, но в эту секунду со стороны лагеря раздался оклик:

– Конный патруль!

– Да что ты будешь делать... – Макрон сокрушенно мотнул головой. – Оставят меня нынче в покое или нет? Идем, что-то стряслось.

Дробный стук копыт по жесткой земле возвестил о возвращении одного из конных разъездов Катона. Двое офицеров уже спешили туда, где возле спящей колонны осаживали коней декурион со своими людьми.

– Где префект? – взволнованно спросил декурион.

– Здесь, – Катон на ходу поднял руку. – Что случилось?

– Замечен большой отряд верховых, господин префект, – доложил декурион. Тяжело переводя дыхание, он придерживал свою лошадь, все еще всхрапывающую после галопа. – Там, к югу.

– Как далеко отсюда? – бросил Макрон.

– Мили две, не больше. Едут как будто в нашу сторону.

– Ты их разглядел?

– Слишком темно, господин. Я отследил, куда они движутся, и сразу к вам, доложиться. Нас они, скорее всего, не замечают.

– Верховые, говоришь? – вклинился Катон. – А на лошадях или на верблюдах?

– И то и это, – прикинув, ответил декурион.

– Тогда это, вероятно, не парфяне, а кто-нибудь из Пальмиры. У парфян в ходу лошади. – Катон мельком глянул на Макрона. – По моим источникам, господин старший префект.

– По каким таким источникам?

– Библиотечным, из Антиохии.

– Ну, если библиотечным, – съязвил Макрон, – тогда бесспорно. Ну что, уходить у них с дороги мы не успеваем. Поэтому остаемся здесь и лежим тихо, пока они не проедут.

– А если они выедут прямо на нас? – спросил Катон.

– Тогда подивим их так, как они еще в жизни не видели.

Катон отозвал конных и патрули и направил кавалерию обратно по тропе, в мелкую низину, через которую колонна не так давно прошла на пути к ночлегу. Если предстоит бой, то нельзя рисковать, чтобы своя конница спуталась в темноте с неприятельской. Сигнал к воссоединению с колонной – зов буцины. А пока пехота – и вспомогательная, и легионеры, –

надев снаряжение, вынула мечи и залегла рядом со своими щитами. Бой, если до него дойдет, будет ближний и достаточно спутанный. От громоздких копий проку здесь мало, но как нельзя более сгодится верное оружие римской армии – короткие мечи-гладиусы. Офицеры внаклонку прошли по рядам, резким шепотом предупреждая, чтобы до команды не было ни звука, ни шевеления. Макрон с Катонем выбрались слегка вперед, в направлении близящихся всадников, и присели, чутко вглядываясь в монотонный, почти неразличимый простор впереди.

– Если это неприятель, – тихо сказал Макрон, – у нас только один шанс на внезапный бросок. Если они от нас оторвутся, сохранив боевой порядок, то колонна с первым же светом станет кормом для стрел.

– Я знаю.

– Поэтому как наступит момент, бросайся со своими всей мощью.

– Мог бы и не напоминать, – кольнул Катон. – Я свое дело знаю.

Старший товарищ, обернувшись, осклабился. В неясном свете звезд зубы у него, казалось, сияли неправдоподобной белизной, оживляющей непроглядность ночи. Он потрепал Катона по плечу:

– Кто б сомневался: на чьем примере рос?

Оба разулыбались; Катон почувствовал, что нервное напряжение вроде как слегка отпустило. Если бою быть, то нет отрадней ощущения, когда рядом бьется центурион Макрон. Катон вдруг застыл, щурясь через простор пустыни.

– Вон! – он подался к Макрону, чтобы тот видел направление, куда указывает его палец. Поначалу Макрон на горизонте ничего не различал. Моргнув для верности, он снова уставился.

– Ни зги не видно. Ты уверен?

– Ну еще бы, – раздраженно ответил Катон. – Ты глаза-то разуй.

На этот раз Макрон различил – точнее, заметил – темное пятнышко на еще более темном фоне тьмы, в расстоянии не больше полумили. Постепенно картина становилась отчетливей; различались как будто даже светловатые султанчики песка из-под конских копыт. С приближением верховых Макрона посетила еще одна мысль.

– Как они тихо идут, – прошептал он. – Словно призраки.

От этой мысли по спине сквознул неуютный холодок. В самом деле, пустыня эта так щедро полита кровью, что по ней впору рыскать неупокоенным духам тех, кто здесь сгинул.

– Успокойся, – тихо одернул Катон. – Пока, как видишь, они очень даже живы. А вот что бесшумны, это да. Вопрос в том, какого Аида им здесь надо? И зачем они рыщут в потемках? Они не с караваном, это ясно. Так что может случиться, настрой у них враждебный.

– Откуда такая уверенность?

– Мы здесь единственные римляне, и единственные друзья, которые у нас есть, отсиживаются сейчас в пальмирской цитадели. Кроме того, – Катона пробрала нелегкая догадка, – ощущение такое, будто они намеренно что-то выискивают – может случиться, и нас. А это лишь усугубляет уверенность, что намерения у них не дружеские.

– Нас? С какой стати им искать нас? Они ведь не знают, что мы здесь. Во всяком случае, пока.

– Почему? Кто-нибудь в Халкиде с легкостью мог нас обскать и поднять в их стане тревогу.

– Змеи Горгоны, а ведь ты прав. – Макрон стиснул в кулаке горсть песка. – Но если они нас ищут, – он поднял взгляд на Катона, – то почему не силами разведчиков?

Катон подумал.

– Может, они не думают, что мы продвинулись уже настолько далеко. Так это или нет, – Катон пихнул друга в бок, – но они близятся. Пора нам обратно к колонне.

Оба префекта стали согбенно перебираться вспять к своим когортам, следя за тем, чтобы песок не осыпался из-под ног и не выдавал их присутствия. Макрон тихо прокрался назад к своим легионерам, а Катон залег возле своего сигнифера, вынул меч и подтянул поближе щит. Оглянувшись по сторонам, он отметил: иллирийцы лежат к земле настолько впритирку, что в темноте, вполне вероятно, могут остаться незамеченными, если только всадники не проедут слишком близко или, чего доброго, случайно не наедут на кого-нибудь из укрывшихся римлян. Сердце в груди стучало молотом; волнение окатывало жаркой волной от вида, звучания и запахов холодной пустынной ночи. Секунду-другую ничего не происходило, но вот послышалось тихое и глухое, словно ватное, постукивание копыт, и на фоне едва освещенного горизонта показалось начало колонны всадников.

Один из ближних солдат что-то пробормотал, и Катон чутко дернул в его сторону головой, издав стиснутыми зубами что-то вроде «чш-ш-ш». «Узнаю кто – изобью завтра в кровь», – подумал он злобно. Хотя, понятно, до утра обоим надо еще дожить.

Теперь на слух различалось поскрипывание седел, тонкое позвякивание сбруи, всхрапы грызущих удила коней, близящихся к римлянам под углом. Катон отчаянно пытался определить их путь и с тошнотным ощущением неизбежности понял: всадники едут прямоком на Макрона и его когарту, расположенную слева от Катона.

– Дер-рьмо, – процедил он себе под нос и тут же адресовал это ругательство себе за то, что издал его пусть тихо, но вслух. Сжав губы, он до боли стиснул в руках меч и щит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.